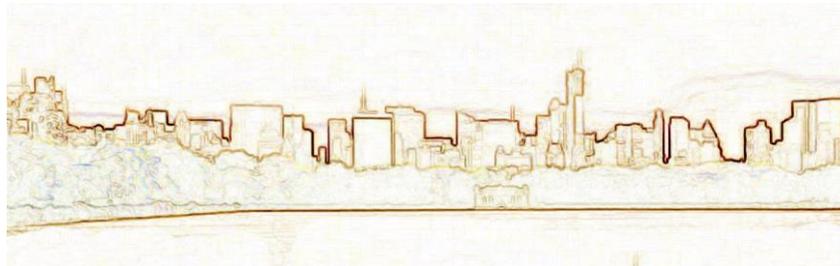

Василий Тюренок

Стихи I

Печаль одиноких трамваев

лету 2010

Это лето до хруста жарой напитало гранит
И уснуло в его нетускнеющих кварцевых порах.
Город стал суициден и невыносимо раним –
То впадал в меланхолию, то разгорался как порох.
Умирала покрытая бурой коростой трава,
Исчезали в клубящейся дымке оплывшие крыши,
Даже тихая скромница – вечношатенка Нева –
Становилась от солнца жеманной и чувственно-рыжей.

Но хранилась холодная мощь в городских погребах –
В ледниковых запасах железа полюстровских скважин...
Ночь вползала с востока – угрюма, белёса, ряба –
И погодный вопрос становился не жизненно важен.
И печаль одиноких трамваев была высока –
Выше звёзд, равнодушно взиравших на каменный улей...
По вишнёвым мансардам скользил бесконечный закат,
И горели болота от жаркого взгляда июля.

Последняя капля

*Бог сохраняет все; особенно – слова
прощенья и любви, как собственный свой голос.*

И. Бродский

.....

Когда-нибудь выжмет последнюю каплю
Священное чёрное вымя дракона;
О лоб расшибутся железные грабли,
Поставив зарвавшийся мир вне закона.
Падёт император – велик и ужасен –
Одёрнув полу износившейся тоги;
Не в силах держаться на сгнившем каркасе
Рассыплются в пыль мутноликие боги.
Опустится мрак – вездесущий и зябкий –
Не дав отгулять как положено лето,
И некто в спецовке засаленной тряпкой
Смахнёт всё живое с усталой планеты –
Сочтёт неудачным поставленный опыт,
Из светлых идей породивший кощера...
И будут тоскливо кружить над потопом
Спасённые Богом любовь и прощенье.

Не вернусь

*...никого не узнал,
обознался, забыл, обманулся,
слава Богу, зима,
значит, я никуда не вернулся...*

И. Бродский

.....

Каждый год неизвестный с правами отца и админа
Ближе к осени кровью моей заливают рябины,
Бьёт туманом и шорохом листьев – по-снайперски метко,
Выбивая меня из меня – методично – по клетке.
Где же логика в этой жестокой игре? В самом деле,
Почему в феврале так надрывно тоскуют метели,
Возвращаясь золою черёмух на скатерти мая?
Я давно ничего в этом промысле не понимаю.
Кто мне дал эти рваные раны над золотом спицей –
Будто к серому небу гвоздями навеки прибили?
Грохот ранних трамваев, сдирающий сонную кожу,
Одинокое эхо парадных, фигуры прохожих?

Кто мне скажет, зачем эта лава темнеющих окон
И дымов комбината упруго-оранжевый кокон?
Репродуктор настенный, сухие щелчки метронома,
Фиолетово-рваный неоновый пульс гастронома?
Для чего этот западный ветер с акцентом восточным?
Может, лишь для того, чтобы выло в трубе водосточной
И в фонарных лучах на снегу разбредались по трое
Одинокие тени глухих пустырей новостроек?
Может, белые ночи с вином, комарами и смехом
Для того лишь, чтоб я никогда никуда не уехал?
Может, влажным покоем набухшее небо над домом –
Чтобы я возвращался, твоими дождями ведомый?

Не вернусь... больше ты обо мне никогда не услышишь.
Каждый март над тобой оплывать будут белые крыши,
Каждый пыльный июль, отражаясь в тягучих каналах,
Будут водкой меня поминать тополя-маргиналы.
И когда-нибудь, путая лица, туманы и годы
Ты услышишь, как я не дышу, захлебнувшись свободой,
И рекой разливаясь по небу – от края до края –
Ты увидишь, как медленно я без тебя умираю.
Умираю без боли, и соки, меня покидая,
Вновь кого-то питают, текут и куда-то впадают –
В тёмно-синюю даль – в бесконечно умеренный климат –
Где не движется время, и небо одно-неделимо.

2010

Города

Вскрылось влагой припухшее небо – шуршащим дождём –
Опрокинулось сплином, проникло под кожу сонливостью.
Сколько лет до весны?.. Ничего, мы с тобой подождём –
Поплывут облака над Невой по-апрельски муслиново.
Город тих и бескровен – кончающий жизнь мотылёк –
Невесом и бесцветен – туманом повис над подушками,
И никто не придёт... разве только, заглянет Нью-Йорк –
Принесёт апельсин, почитает с акцентом из Пушкина,
Торопливо потрогает влажно лоснящийся лоб,
Подоткнёт одеяло – рассеянным жестом, задумавшись...
И качнётся фонарь – потерявший причал НЛО –
Заблудившийся в сумерках бледный подвыпивший юноша.
До весны далеко – тонны соли и сотни цветов,
На пергаменте окон эстеткой-зимой нарисованных...
Хрипы сонных парадных, тулупы замёрзших ментов,
Стаи мыслей, взрывающих ночи безумными совами.

А у нас океан... всё ворчит и ворчит по ночам –
Беспокойный бухгалтер в заботах о тающем дебете.
Ветер бродит по пляжу, тоску за собой волоча,
На пустынном канале зимуют влюблённые лебеди...
И я тоже зимую – дышу на ледышку окна,
В облаках разглядев очертания медного конника.
Бормочу приворот, и послушно приходит она –
Петербуржская осень... Шагаю с плеча подоконника
В город мелких дождей, сотворённый безумцем Петром,
Проверяю, надёжно ли шпили туманом укутаны,
Голосую попутный вагончик ночного метро,
Успевая в твой сон – малахитово-тёплый, предутренний.
За окном океан, монотонно бормочет прилив,
Белый запах больницы, тоска, и повеситься хочется...
Питер строг и задумчив, Нью-Йорк беспричинно ворчлив –
Города, как и люди, томятся своим одиночеством.

Граница

Замёрзший город тысячей дымов
Вгрызался в плоть темнеющего неба.
Сползал закат – оранжево и немо –
По грудам обескровленных домов.
Вот-вот внизу раскинется река
Тугой окаменевшей белой лентой,
Динамики устало хрипнут: “Landing”,
Утихнет дрожь сомнения в руках.
Забьётся лайнер – пойманный лосось,
Царапнув брюхом пулковскую взлётку,
Щемяще-невесомо ухнет в лёгких,
И лопнут восемь часовых лассо.

И вновь огни шоссе, дрожанье век,
Стенанья лифта, сбивчивость дыханий,
И снег... как-будто стаями пираний,
Изъеденный балтийским ветром снег.
Разводы реагентových лекал,
Терзающие мученицу-обувь...
Ещё хоть пару дней – мечтаем оба,
Но снова где-то снизу облака
И бледный после праздничной возни
Увитый мишурой нетрезвый Питер –
Притихший, затаившийся в обиде –
Опять я прилетал, но был не с ним.

Таможня

Пройду таможню, оглянусь –
Теперь уже из-за границы,
По всей земле умолкнут птицы,
А я дороги прокляну
И оборву прощальный взгляд –
Слегка растерянный и тёплый –
Веранда, лето, связки воблы –
Нет-нет – нельзя смотреть назад.
Пространство режущий засов
Вздохнёт и лягнет виновато,
И в солнце нет уже ни ватта,
А я – лишь череда часов –
Дышу на стрелки – тороплю...
Как черепахи дни до встречи.
Вгрызается ночами в печень
Разлуки ненасытный клюв,
Но жизнь – кощеева игла –
Скребёт настойчиво подвздошь,
И темнота лицом бульдожьим
В туманность комнаты легла.

Имплантация

Сняв заклятие зимних ночей, ядовито-игольчатых,
Без наркоза и скальпеля – лёгким движением рук –
Ты вживила мне в сердце серебряные колокольчики,
Зазвеневшие тихим покоем на тёплом ветру.
Часовые мороза меняли промокшие валенки,
Где-то в тёмных расщелинах ухал истерик-набат,
Но уже завязалась малина по чёрным пропалинам,
И зачахшее солнце добавило джоулей-ватт.

Колокольчики пели, и таял чугун тяготения,
Удивлённые, рты разевали доценты МАИ,
Теребили макушки берёз легкокрылые тени и...
И Земля материлась, цепляясь за ноги мои.
Рассосались рубцы, затянулись разрывы и трещины,
Стали реки прозрачнее, злые собаки добрей...
Из раскрытых окошек махали платочками женщины,
И твоей благодатью на мир опускался апрель.

Конец октября

Жизнь утихнет к концу октября,
Сдавшись после тяжёлой осады...
Раздевание – сонный обряд –
Совершат липы Летнего сада.
Зажелтеют каналы листвой,
Задрожат, набухая под ветром.
Взвоят в гулком дворе домовой,
Полетят в лужи шляпы из фетра.

Запах осени в тысячный раз,
Перелётностью чувств привечая,
Снизит градус восторженных фраз,
Умных мыслей за стынувшим чаем.
Вздыбит мачты беспарусный барк,
Полумраком качнутся ограды...
Скроют сумерки вымокший парк,
Ляжет в сердце щемящая радость.

Между двумя столицами

Между двумя столицами – в Бологом –
Язвой вскрывается страх потерять тылы.
Сесть на обратный поезд легко-легко –
Проще, чем взять спиртного “из-под полы”.
Между двумя столицами – горький чай,
Скрежет вагона, попытки забиться в сон,
Луч, наведённый в окно остриём меча –
Лунный попутчик, холодный в любой сезон.
Мысли – гороховый стук изнутри о лоб,
Ужас пространства, глухой антрацит стекла,
Синий ночник – ускользящий НЛО,
Нить путеводная (цепь?), что во мгле легла.

Здесь, под валдайскими соснами, в темноте
Время теряет себя, замедляя бег.
Рядом с вагоном по-волчьи несётся тень,
Тускло искрится нетронутый синий снег.
Вечная правда стремящихся слиться тел,
Сладкая ложь одиноко саднящих душ –
Тайная мука – но ты ведь её хотел –
Реквием, так незаметно сменивший туш.
Утро вползёт коридорной глухой вознёй,
Час – и ладони, глаза, поцелуй, “Привет!”...
Между двумя столицами – бог-ты-мой –
Прожито жизнью, оставлено зим и лет.

Листопадное похмелье

Я не помню тебя... помню только озябшие пальцы.
В ноябре так легко непогодой оправдывать ласку...
Помню, как отражались в глазах листопадные краски
И тоску одиноких трамваев – вечерних скитальцев.
Я не помню тебя, помню только скользящие пряди –
Ты так часто, рассыпав на миг, собирала их в узел –
Этот жест торопливый Вселенной размашистость сузил
До размеров ладони – твоей – я Вселенную гладил.

Я не помню чертёнка в глазах, по-снегурочьи кротких,
Полутени на бледных ключицах, испарину кожи,
Бесконечность бульвара, случайные взгляды прохожих
И прозрачную каплю дождя на твоём подбородке.
Помню только заклятие злых великанов – вокзалов –
Их дурные глаза и железные цепкие руки –
Мы с тобой – неразлучные Божьи кремень и кресало –
Разорвались в пространстве немислимой силой разлуки.

.....

Я тебя вспоминал – как всегда без закуски и меры –
До потери различия водки, вина и текилы...
Две уныло-безликие девы – Надежда и Вера –
Хлопотали над сестринской полузабытой могилой.
Расползались туманы, крадя заплутавшие души,
В листопадном похмелье луна суицидно дрожала,
Шелестели минуты, и память – холодное жало –
Проникало не в сердце моё, а в размякшую грушу.

Из окна поезда “Ленинград – Псков”

Беспризорный огородик,
В небе зреет гайморит,
Лес поджѐг злодей Мавроди –
Две недели и сгорит.
Злые тощие вороны,
Деревенька в два мазка,
На обшарпанном перроне
Пѐс промокший да тоска.
Тополя – почти скелеты,
Всюду рвань и лоскуты,
Растерялись звуки лета,
Даже вымерли коты.
Беспризорный огородик,
Время встало... моросит.
Здесь давно никто не бродит –
Только ветер, паразит.

Псковщина

Ломаный этюдник,
Вялые мазки...
Сонные приюты
Тлеющей тоски.
Вытеснила охра
Лето из палитр.
Лес оглохший, мокрый,
Опохмельный сидр.

Ржавые кольчужки
Тощеньких осин,
Сотая чекушка,
Нищий магазин.
Тихие печали
Кружатся, шурша...
Вот и обвенчалась
С осенью душа.

Псков

Осень явилась в манерном плаще-листопаде –
Рябью по лужам, стерней по остывшим лугам.
Клёны дрожат паутинами розовых патин,
Двинулись к югу набравшие вес облака.
В сердце тоскует промокшая тощая кошка...
Спрятало небо глаза под опущенный зонт.
Плащ гражданина украсила рыжая брошка –
Ветра подарок... Жуёт облака горизонт.
Тихо сгущается в окнах неоновый сумрак,
Спиленный тополь – усталый конёк-горбунок.
Вязким туманом крадёт листопадные умбры
Осень... Колышется занавес... третий звонок.

Пальцы осени

Пальцы осени всё холодней, неотступней, чувствительней...
И отчётливей хрусты в предутренних лужах и снах.
Старый клён-ветеран в безнадёжно изодранном кителе
Молодится, развесив желтеющие ордена.
Год пронёсся курьерским, уткнулся в тупик поздней осени,
Чертыхнулся в измученных утренней ломкой кустах,
Заскользил по газону, неряшливо битому проседью,
Подрожал фонарями – пустыми глазами моста...
Хлебом-солью его проводить вышел я в одиночестве –
Попрощался сердечно – да сгинь ты в своей маете! –
И стоял – размышлял о кольце с популярным пророчеством,
Наблюдая, как в сумерках чья-то неясная тень
Щедро сыплет под клён, серебристо-жемчужный к заутрене,
Пепел сладких ошибок, что осенью не ядовит,
И хлопочет туман – старый лекарь – ханжа целомудренный,
Укрывая стерню после праздника жницы-любви.

Бомж

Тихо на западном – без перемен –
Время зависло зимовьем на хуторе.
Тускло мерцает небесный кремьнь...
Город оплавлен туманом предутренним.
Тысячи лет между парой огней,
Тысячи миль, никуда не стремящихся.
Ветер, гоняющий стаи теней,
Жизнь у костра из поломанных ящиков...
Или совсем без костра – темнота,
Дремлет под кожей холодное крошево.
Мягкая поступь бродяги-кота.
Теплятся сны огоньками из прошлого.
Самое ценное – клетчатый плед –
Имя забыто, потеряно отчество...
Неразличимость потерь и побед,
Тихая гавань, покой, одиночество.

Чёрная икра медового месяца

Его не тронули в бою
Клыки коварного врага,
Но дома – в плюшевом раю –
Жена наставила рога –
Отличный повод умереть,
Не тратя лишний промедол...
В небес чернеющей икре
Стыл месяц, масляно-медов.

Рубикон

Нас всех однажды сосчитали
И увели за Рубикон.
Мы возвращались со щитами,
Блестя роскошью погон,
Но кровь, что мы стране отдали,
Вскипела соками цыкут...
Тускнея, старые медали
О прошлом вдохновенно лгут.
И хочется, оставшись в шорах,
Не видеть лезвие ножа,
Идти и слушать сонный шорох
Дождя, смывающего жар,
И, где троллейбусы приткнулись
Ржаветь на брошенном кольце,
Ловить в прицел пустынных улиц
В горах утерянную цель.

Кольцо

Затянулась зима – ядовито-стервозная леди –
Дочь от связи Горгоны с затейливым гадом де Сад,
Но ползёт вереница улиток-недель – ты приедешь –
Серебристой форелью скользнёшь, разорвав небеса.
Пронесёшься по взлётке, спустившись из вечности млечной,
Оживут небоскрёбы – задышат, почуяв тепло,
Улыбнётся, расслабится в кресле усталый диспетчер,
Заморгает, засветится счастьем Arrival-табло.
Разольётся весна по безрадостным дням, задымится,
Скрипнет мост над Гудзоном, разнежится: “Эх, хорошо!”
Запоют о тебе телефоны, клаксоны и птицы,
Запоют... лишь бы этот февраль поскорее прошёл.

.....

Все дороги стекаются в пулковский аэропорт...
Я лечу, а ты едешь – не глядя на знаки – по звёздам,
По условным сигналам тоскующих клеток и пор,
В леденцы превращая цветные зрачки перекрёстков.
Кольцевая из “Пулково” – наши судьба и кольцо –
Лишь одно на двоих – многорядная связка литая,
Обручившая счастье – в толпе за таможенной лицо –
С мелкой дрожью ресниц – мне пора, я опять улетаю.

И опять мерзлота, каучуковость липких ночей,
Безоттеночность дней и отсчёт календарного срока...
Без тебя я пустой, как рукав, бесконечно ничей,
Разноцветней меня даже перья из крыльев сороки
И январская зыбь ленинградских больных фонарей,
И туман над Гудзоном, заполнивший сны и аорту...
И не знаю кому, но молюсь – разорви поскорей
Этот цепкий ошейник безвременья аэропортов.

Чудотворец

Ты покрасилась в чувственный рыже-коралловый цвет –
В тон катавшей детей у метро ясноглазой лошадке...
Минус двадцать, но лето цвело у тебя на лице;
Я ворчал для порядка – не май красоваться без шапки.
А снежинки слетались на яркое пламя волос,
Мельхиоровой взвесью влюблённо искрились, парили,
И январское небо отчаянно было мало
Разноцветным туманам из тысяч проснувшихся лилий.

Уползала зима с тротуаров в колодцы дворов,
По щелям забивалась, кляня всё живое на свете,
Добивали её по окраинам стаи ворон,
Отмерзали в степи ямщики, просыпались медведи.
Растекалось по городу солнце горячей хурмой,
Обнимался народ, поднимая за чудо рюмахи,
И забытый судьбой, одиноко тащился домой
Чудотворец усталый – нелепый седой парикмахер.

Что-то важное

...вот где собака порылась.

М. Горбачёв

.....

Краски осени... блёкло-янтарные, ярко-прозрачные,
В поволоке обрывков видений и снов-паутин.
Всё ленивей движения, тягостней, неоднозначнее,
Всё туманнее смыслы и цели земного пути.
На холстину Малевича звёзды упали – противные –
Изорвали нетленку – заплатят теперь головой...
Мысли спать не дают – неприличные и деструктивные –
Только думать не хочется, хочется лишь одного:
Отпустив на свободу химеры и сны-отражения,
Что-то важное вспомнив – траву, муравейники, плёс –
Наблюдать из окна за гиперболой листоскольжения,
Ощущая, как тихо сопит откопавшийся пёс.

.....

Темень влажно сползла по остывшим ресницам окна.
Монотонное утро обыденно тускло и глупо.
Дней всё больше и больше, а жизнь остаётся одна,
И как прежде нет сил вдохновиться на главный поступок:
Выйти в жёлтый туман, лихорадку желаний унять,
Встать под тающий космос и, став равнодушным и мудрым,
Осознать невозможность хоть как-то на что-то влиять...
Быть лишь функцией времени вместе с туманом и утром.
И открывшись полям, возвращающим детские сны,
Что-то важное вспомнив, споткнувшись смешно и нелепо,
Замереть под дождём, не вникая в таинственный смысл
Ускользящих нитей серебряной вышивки неба.

Август

Август калёным дыханием плавит асфальт, горизонт размывая.
Сонные листья простились с надеждой на танец в порывистом ветре.

Липкое пекло сиесты с оплывшего города крыши срывает.
Небом бесцветным безумие входит в домов обнажённые недра.

Жаркое лето... Опухшее солнце – ни тени любви или боли.
Ночью за окнами рой светляков имитирует звёздную осыпь.
Шорох цикад укрывает сознание пыльными крыльями моли.
Душное утро измученно выдавит горько-похмельные росы.

Жаркое лето... прощание, пепел, безмолвие труб водосточных.
Солнце, скользя по обугленным стенам, эпоху надежды итожит.
Что под чертой? – бесконечное пекло и лёд ограниченной точки,
А между ними – усталой мембраной – живая и тонкая кожа.

Сентябрь

Феей напуганной, шорохом-шёпотом ночь проскользнула под кожу.
Яблоня запахом сладкого тлена ушедшее лето итожит.
Ветер сдувает чешуйки загара – беспечности лёгкие метки –
Всё, что казалось незыблемо летом, рассыпалось древностью ветхой.

Канула в август романтика ласковых пыток ромашки невинной.
Как ни целуй виноград в палисаднике, осень зажжётся рябиной –
Заполыхает, и в ней отгорит, и в тяжёлых туманах утонет
Тайная сила единства небритой щеки и озябшей ладони.

С тихим рассветом вернётся реальность – жестоко, уверенно, веско.
Явь, отгоняя нелепые сны, колыхнётся в окне занавеской.
Листья, слагая предписанный пазл, падут на остывшую землю –
Всем будет место спокойно истлеть, но немного тревожусь – а всем ли?

Расколотый мир

Расколот мир на тюрьмы полушарий,
Как стражник океан меж ними лёг...
Холодный глаз луны по стенам шарит,
Безумно бьётся нервный мотылёк,
И только сны, пронзившие пространство,
Несут тепло не встретившихся рук...
Реальной жизни сказка наших странствий –
Снега вверху, внизу, снега вокруг...
Но за стеклом озонового слоя –
Там, где таится ненависть морей
И дышит небо – чёрное и злое –
Твоя душа целуется с моей.

.....

Когда на сонный город ляжет осень
Туманно-рыжей хлюпающей мглой,
Остывших роц редующие косы
Накроет дождь распахнутой полрой.
Падёт листва, шурша тонами лёгких;
Нечётким пульсом – жёлудевый стук...
Когда задремлют сытые полёвки,
А стаи птиц потянутся на юг,
Когда в окно, терзаемое ветром,
Вползёт змей сиреневая мгла,
Ночной звонок, пронзая километры,
Разбудит призму спящего стекла.
В песках взойдут густеющие травы,
Сомнений муть уляжется на дно...
В разрывы судеб лягут переправы,
Связав разъединённое в одно.

Новогодняя цыганочка без выхода

Странно смотрятся в овсе
мусорные баки.
О любви мечтают все,
я же – о собаке –
с телом – длинной колбасой,
грустными глазами,
чтоб язык её босой
лез в борщи-лазаньи.

Зимних сакур наготу
оцени, братуха!
Кто-то любит наркоту,
я же – бормотуху,
кто-то любит только прим –
я и втор приемлю..
Пишут сказки братья Grimm –
быль про нашу Землю..

Много слышал я о том,
как распяли Бога..
Вечно слиты – два в одном –
родина, дорога..
Ты прими меня в себя,
космоса плацента.
Ярче, ёлочка, сияй
у Рокфеллер-Центра.

Осенние прощания

Холодной высью дышит небо. Осень...
Нечётким пульсом – жёлудевый стук.
Закатная плавильня в кронах сосен
Съедает дни, как пламя бересту.
Последняя измученная стая,
Скользящая по кромке ноября,
Дрожащим клином облачность листает –
Прощается...
Пок-а-а-а!
Пойду и я
К фальшивой деловитости камина
Рассеянно следить, как стынет чай,
И, умирая, дышит древесина,
Перегоняя в джоули печаль...
Как безнадёжно и необратимо
Сгущая фиолет, ложится мгла,
Как выжидает, прячась за гардиной,
Осеннего раскаянья игла.
И буду пить со стаей отражений,
Отыскивая смысл бытия
В тоске спирально-лиственных кружений –
Одним из них, наверно, был и я
В какой-нибудь предшествующей жизни,
А в этой – тени, шорохи, камин...
Ворчит огонь, настойчиво-капризно
Навязывая образы рябин –
Затёртые в поэмах и полотнах,
Изорванные в бусы и вино...
И призраком, бездомным и бесплотным,
Уходит жизнь в костюме домино.
Но всё вернётся – женщины и стаи,
Измучает длиной июньский день...
В лиловой гуще сумерек растает
Осенний сон о зреющей беде.

Зимние письма

Милая, в этом году
Так и не выпало снега...
Клёны бормочут в бреду,
Небо сутулится пего.
Жухлые травы, дрожа,
Сбились в лохматые стаи.
Ель позади гаража
Сумрак ветвями листает.
По вечерам над водой
Тени густы и лиловы.
Месяц опять молодой,
Звёзды крупною перловой.
Можно сказать, всё о'кей –
Ем потихоньку варенье...
Помнишь, как плыл по реке
Август медлительной тенью?

.....

Милая, в этом году
Снега у нас как обычно.
Лебеди спят на пруду,
Ноют колени привычно.
Тихая ель за окном
В облачных далях витает.
Как-то не очень со сном –
Книжку полночи читаю...
Или сижу в темноте,
Мыслям давая свободу –
Тают круги на воде,
Медленно тикают годы.
Чёрная глыба стекла
Тронута инеем белым...
Помнишь, как с неба стекал
Август малиновоспелый?

Милая... в этом году
Снегом засыпало вовсе –
Ветер канадский подул –
Сдул бесконечную осень.
Ели укрылись до пят
Белой фатой-оригами...
Ты мне приснилась опять –
Тихой рекой с берегами.
Варежки вяжешь... зачем? –
Их миллион в магазине.
Ем витамины я, ем –
Эти – в коробочке синей –
И вспоминаю Неву
В жёлтых фонарных оковах,
Лето... Вот так и живу
В августе сонно-медовом.

Ты меня любила поздней осенью

Ты меня любила поздней осенью –
Ближе к середине ноября –
Небо остывающе-лейкозное
Бросило на землю якоря.
Памятники тёмные замёрзшие,
Мрачная расчерченность Кремля.
Ели – голубые тени-ёршики;
Голая холодная Земля.

Тротуары, выщербины, лестницы,
Тёмных вод замедлившийся бег.
Почему-то хочется повеситься
До того, как ляжет первый снег.
На бульварах шорохи листвяные,
Заунывье ветреных альтов.
Глупо улыбаюсь полупьяный я,
Ты дрожишь в застёгнутом пальто.

Сжались годы высохшими воблами –
Тусклые, как взгляды мертвеца...
Сколько мест Местами стали Лобными,
Сколько слов заточками в сердца.
Тропами затерянными козьими
Разбрелись – лунатики во сне...
Ты меня любила поздней осенью,
Собирался падать первый снег.

Новая кожа

Ветер затих... тишина лечит лучше, чем время.
В вечном безмолвии ни суеты, ни прохожих.
Густо рассыпан по небу мерцающий кремний.
Самое время изнашивать новую кожу.
Да, по фигуре – не жмёт – не осталось, как будто,
Жгучих следов торопливо скользящих ладоней.
Знать бы ещё – плутоватая память под утро
Тени из прошлого лёгкой волной не нагонит.
Знать бы: холодная мертвенность лунной дорожки
Не заискрится знакомой улыбкой в прибое,
Не заберётся под рёбра взбесившейся кошкой,
Хищным стрекалом фантомно-безжалостной боли.
Спит океан... дышит, словно молящийся ребе.
Стынет роса на щербатом причальном бетоне...
Тает, теряясь в холодном скучающем небе,
Росчерк звезды, промахнувшейся мимо ладоней.

Рассказ героя

Я, ребята, вам свистеть не буду –
Кровью расписался за Афган!
Тел душманских там оставил груды –
Обломал стервятнику рога.
Ох, и натерпелись духи-гады –
Пара сотен их теперь в раю
Ахмад-шах Масуд сулил в награду
Миллион за голову мою!

Был я в батальоне самым дерзким –
Ротный опасался, а комбат,
Хоть и слыл наикрутейшим перцем,
Но терпел мой залихватский мат.
Я его однажды вынес, братцы,
На плечах из горной западни:
Не смогли ребята отстреляться –
Все легли – остались мы одни...

А душманы тут как тут: "Солдатик!
Выдай командира – будешь жить!"
Ну не суки?! Будто я предатель!
Тут и начал я валить вражин.
Сразу с двух стволов мочил – синхронно
И орал: «Не сдастся наш "Варяг!"»
А когда закончились патроны,
Рвал зубами духа-главаря.

А потом комбата нёс ночами,
Скорпионов ел, чертополох –
Две недели, но к своим причалил,
Да ещё двух пленных приволок.
Вот за этот подвиг, пацанята,
В Кремль меня водили на фуршет –
К ордену представили – понятно?!
Жду по почте – выслали уже.

Вселенское счастье

Я выйду в сиренево тающий вечер –
Цветущий от радости, пьяный, дурной –
Немыслимым счастьем расправятся плечи,
Предсердия взмякнут горячей хурмой.
Всклоочет вулканом остывшая плазма,
Взыграют инстинкты – шальные зверьки,
Кессонной болезнью – бичом водолаза –
Слетятся на пьяную кровь пузырьки.

Небесную плоть разорвут фейерверки,
В ламбаде зайдётся народец чумной,
Забавно чихнёт неприступная Верка,
Надюха в экстазе сольётся со мной.
Волшебные рыбины выйдут на сушу,
Призывно раскроется сонный пион...
Счастливой галактики чуткие уши
Поймают мой выдох: «"Зенит" – чемпион!»

Расскажи мне, как прошёл твой день

Расскажи мне, как прошёл твой день,
Как шептались тени на рассвете
И холодной рябью по воде
Вышивал бездомный невский ветер.
Расскажи, как в утреннем метро
Люд сопит – невыспан и простужен,
И дворы холодное нутро
Окунают в мартовские лужи.

Расскажи, как пьяный под окном
Завывал: "Страну пропили, суки!"
А потом рыдал, что жизнь – го...но,
Что достали все – и даже внуки...
Расскажи, как сумерки крадут
Силуэт антоновки на даче,
И о том, как в будущем году,
Пересадишь всё, переиначишь.

Расскажи, как вспомнила Гудзон –
Берегов фонарные мониста,
Клён канадский, стриженный газон,
Двух оленей вежливо-пятнистых.
Расскажи, как вечером опять
Поплывёт по кухне сумрак пего,
И проснёшься рано – где-то в пять –
Слушать шорох тающего снега.

Расскажи, как зябко в темноте...
На обоях – тень единорога.
Целый мир людей, но все не те,
И подруги дразнят недотрогой.
Расскажи, как холоден закат
Без уютной сдержанности взглядов
И до дрожи трогает плакат:
"Позвони мне."
Я звоню... Я рядом.

Город злых сквозняков

Город злых сквозняков и скрипуче-ворчливых цепей –
Монотонный, как маятник-псих, раскачавший Исакий,
Приютивший в каналах сожжённое небо Помпей,
В чахлои плесени камня взлелеявший древние саги.
Город, белые ночи скормивший холодной Неве
Под изящно-воздушную камерность венского вальса,
Ты не смог остудить эту пасть, великан-гулливер,
Самосвалами снега, позёмкой шершаво-февральской...
И теперь упоённым маньяком вершишь ритуал –
Бьёшь из пушки по небу, уснувшему низко и серо –
Ищешь смерти, безумец: потоп не убил – так обвал,
Ждёшь, когда, не взирая на каменность правильной веры,
На ажурность решёток и пьяно-роскошный замес
Женщин, спиелей, мостов, ананасов и сморщенных корок,
Кто-то глянет безлико сквозь звёздные дыры небес
И заметит ослепший, лишившийся разума город.

Клёны опять нарядились под арлекинов

Клёны опять нарядились под арлекинов...
Пара недель – и разденутся – не привыкать.
Ворох увядшей листвы равнодушно скинут,
Торсов откроют тщедушность, а может – стать.
Чайник, вздохнув, закипает с противным писком,
Тих и печален стриптиз полусонных лип...
Остов моста, растворённого солнцем низким,
Ветхим ковчегом к пустым небесам прилип.
Новый палач вожделенно разденет рощу,
В душу вопьётся – голодный ночной москит –
Только б не жёг, подыскал бы чего попроще –
Что-нибудь типа: смолоть в жерновах тоски –
Медленно, тайно – без пошлых сирен и пены,
Постных напутствий, слезливых молитв и месс...
Тихо волются томимые солнцем вены
В море покоя – пустынный приют небес.

Я тебя уведу

Я тебя уведу полусонным некошеным лугом
По медвяной росе на русалочий берег реки,
Где кувшинки качаются в мареве лунного круга,
Шелестят над излучиной ветви пугливых раки.
Ты услышишь, как тихим рассветом дымятся опушки,
Диких яблонь плоды на иголки ложатся ежу
И ведут хоровод незабудки – тихони-подружки,
Изнывая от нежности к ветреному камышу.

А потом будет полдень, и воздух упруго застонет
Монотонной жалейкой пчелино звенящей тоски,
Полусонная рыбка плеснёт в изумрудном затоне,
Поплывут по ленивым лугам полутени-мазки...
И когда ляжет вечер скользящим дыханием строчек,
Над притихшей водой загустеет туман-молоко,
На обрывке закатного неба чернилами ночи
Напишу тебе сказку лиловых ночных облаков.

Город на песке

*Ты вернулся сюда, – так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей.*

О. Мандельштам

.....

В устье чёрной реки, сам не свой и ничей,
Потемневший от пыли дворцовых интриг,
Дремлет город, ослепший от белых ночей –
Трижды имя терявший подросток-старик.
Этот город, пригревшись в ладонях болот,
На чердачных высотах, в колодцах веков,
То идёт в поводу – как задумывал Клодт –
То швыряет в дорожную пыль седоков.

Давит эхом парадных – охрипшим, тугим,
Топит в жёлтом тумане и липком дожде,
Растворяет, судьбы замыкая круги,
В материнской заботе, свекровной вражде...
Этот город – дыхание тысячи Мекк
И кораблик из горькой сосновой коры,
Здесь навечно въедается в валенки снег
И влипают в огни фонарей комары.

Ни родни у него, ни подружек-невест –
Лишь холодное небо и роскошь метро,
Держит ангел над ним петропавловский крест,
Освящая прибежище влажных ветров.
Сын кухарки и графа – надменен, суров –
Притаилась в глазах вековая тоска...
И лежит этот город в скрещенье миров
На подушке намытого Богом песка.

Осень ранняя – вещь несерьёзная

Осень ранняя – вещь несерьёзная –
Встречи, проводы, яблочный хмель –
Растуманилась зорьками росными,
Расшвыряла рябин карамель.
Тихих роц золотистые высверки
Стаи птиц направляют на юг...
Я и сам на уснувшие выселки
Перебраться хочу к ноябрю.
А пока эта осень беспечная
Горькой ягодой гнёт кузова...
Ярлыком легкомыслия мечен я –
Всё мне хаханьки, всё трын-трава.
Сентябри мои – звонкими блёснами
Над тягучим житейским враньём...
Осень ранняя – вещь несерьёзная,
Но и я не серьёзней её.

Мы вырастаем из своих стихов

Мы вырастаем из своих стихов,
Из косяков дверных и раскладушек,
Любовных клятв – восторженно-недужных –
Дырявых кед и прочих пустяков.
Мы вырастаем... дудочка-радар
Нас гонит по спирали отрицаний –
Мы отрицаем то, чем были сами:
Любимых женщин, книги, города.
И мы растём...
Как брови ни суровь,
Как ни чекань презрительно: “Муд-дак ты!”
Но мы меняем: отчества и даты,
Сердца и страны, метрики и кровь.
Безумный штурман чертит наш полёт,
Вводя поправки в принципы и галсы...
А впрочем, зря я так разволновался –
Собака лает, караван идёт.

Ты и я

...по образу и подобию своему...

Ты даришь жизнь микробам и мирам,
И сам сечёшь им головы на плахе...
Я тоже – и дарил, и отбирал,
Конечно, несравнимо по размаху.
Твои уголья – звёздный океан,
Глубины чёрных дыр – немая бездна –
А я владелец пары мелких ванн
И дыр в твоей же логике железной.
Ты умирал под солнцем на кресте,
А я в ущелье – под огнём душманов,
Ты манной угощал голодных всех,
А я кормил ребёнка кашей манной.
Тебе ни яд не страшен, ни праща,
А мне – чужой язык и пыль дороги.
Ты всех любил, предательства прощал,
И я любил – не всех, прости – немногих.

И так всю ночь... но только лишь к утру
Пойму, что глуп, как Дэн – соседский пудель:
Всё будет так же, если я умру,
А если ты...
То ничего не будет.

Октябрь

Ползёт прожорливая тень
Шершавых крыльев октября.
Всё больше олова в воде,
Всё дальше лица октябрят.
Лиловый мертвенный озноб
Клубится в сумраке аллей,
Темно на кладбище основ –
Ровесниц каменной смоле...
И только памяти пустырь
Цветёт занозисто-остро
Фальшивым золотом листвы
Давно не греющих костров.

На убыль дни, но стало золотистой...

*На ковре из жёлтых листьев
В платьице простом,
Из подаренного ветром крепдешина,
Танцевала в подворотне осень вальс-бостон,
Отлетал тёплый день и хрипло пел саксофон.*

А. Розенбаум

.....

На убыль дни, но стало золотистой...
Остывший воздух пахнет тишиной.
Под "регги" во дворах танцуют листья,
"Бостон" – отстой – немодный и смешной.
Остатки крепдешина треплет ветер,
Метёт скамейки вымокшей джинсой...
Лишь саксофон всё так же хрипл и светел,
И дождь как прежде – реденький, косой.
По лету зажигают парки свечи,
В листвяной охре тёмная вода,
Острее смерти чувствуется вечность,
Сжирающая время...
И когда
Дрожа в священно-трепетной осанне,
Осиново растает дальний лес,
Увидишь Бога с горькими глазами
В сиреновом плетении небес.

Ага, океан

Зато у вас океан!

Ага, океан – мутноват и солон,
И даже под блюз невозможно горек –
Мычит вечерами – Shaliapin Solo,
Скулит как пружины солдатских коек,
А я выхожу разделить с ним тяжесть,
И, глядя на блики огней Эмпайра,
Бреду по остывшей пустыне пляжа –
Сошедший с дистанции дохлый стайер –
Слезливый мерзляк ветеран грэйхаунд,
Ворчливый призёр инвалидных гонок...
А знаешь, так скучен зимой Мидтаун,
И голос у ветра по-бабьи тонок.

Здесь приторна водка, вино сонливо,
Продвинутый бойлер всегда исправен,
А чайки, кружась над водой залива,
Орут, точно их ущемляют в праве...
Каком? – да клевать пирожки с помойки,
Толстеть и вальяжно ходить по пляжу,
И я – чижик-пыжик с Фонтанки-Мойки –
За все их свободы налью и вмажу.
Здесь ночи разлиты холодным дёгтем,
И путь над водой недоступно млечен...
Но слышится: кто-то – беззвучно-лёгкий –
По угольным волнам идёт навстречу.

После победы

Смывая кровь, медово плачут верески
На поле боя... Жирная черта
С фатальностью лососевого нереста
Отрезала часть жизни, где вчера
Вскипало гноем, мучилось и плакало,
Хрипело глоткой, рвано клокоча,
Вползало в клетки опухолью раковой,
Сочило лимфу, шкурой истончав.

Теперь здесь тихо... В кронах сосен – отблески
Уже остывших смазанных клинков.
На триумфальной арке профиль оттиском –
Дурной фетиш потомков-дураков.
Отяжелев, скучают сыто вóроны,
Сползает солнце, пайку волоча...
И разлеглась на все четыре стороны,
Как запах лавра стойкая, печаль.

Подожди

Подожди, наше время ещё не пришло,
Там – во мраке глубин – не срослось, не прошло,
Не скатились лавины с замёрзших вершин,
Не смели, не омыли... И ты не спеши
Прививать пепелищу зелёный побег –
Может выпасть неожиданно негаданный снег –
Растревожить недавно уснувшую боль,
Довести до кипения чёрную смоль.
Твой спасательный щуп энергичен, остёр –
Словно мину в душе ищет тайный костёр,
Ищет скрытый осколок, несущий беду –
Проникает всё глубже, пока я в бреду,
Пересохшую глину в себе распахав,
Сею жизнь, натянув пиджачок жениха,
Лишь обильную смерть пожиная с утра
В мутном зеркале ванной.
Ещё не пора,
Возбуждаясь на запахи ранней весны,
На тяжёлую влагу опушек лесных,
На случайность касаний, рождающих ток,
Завершить бесконечной спирали виток:
Дни, как чётки в дрожащих руках теребя,
Через пальцы твои ощущая рассвет,
Помикронно, дотошно прощупав себя,
Успокоиться, выдохнув: "Мин больше нет."

Прилив

Причудлив танец сумрачных лекал,
Движениями вкрадчив и неясен...
В простынные изломы светлой бязи
Тень прошлого, усталая, легла.
Целитель и судья – ночной прилив –
Бормочет полнолунным океаном,
А я – уравновешенный, непьяный –
Лежу, внимаю – мудр и терпелив...

Он разъясняет хитрости словес,
Даёт явлений тайные расклады:
Значения бессонниц, листопадов,
Ночных гостей, шаманских плясок, месс...
Текут амударья, нева, гудзон –
От капельниц вокруг постели тесно...
Взмывает из урчаще-чёрной бездны
Сомнениями выкормленный сон:

Цветных мгновений тучные стада
Пасутся на равнине благодатной –
Здесь всё живое: лица, звуки, даты
Слова и тени... тени... И когда
Затихнет, обессилев, метроном,
Фиксируя законченность Вселенной,
Отметят ускользящие вены
Отсутствие тебя в моём больном.

Попойка с ангелом

Звёзды пылью осели на чёрный поднос –
Тлен остывшей Вселенной – тончайший помол...
День угас на шершавых макушках берёз,
Отыграл переливами сосенных смол.
Прилетел, матерком разбудив океан,
Мой полуночный гость – отставной херувим –
Он жестоко контужен, обкурен и пьян –
Верит сказкам о Родине и о Любви.

Мы допили заначку – смирнова и ром,
И какую-то дрянь – парфюмерную смесь...
Был нестоек посланник тончайших миров –
Громыхал кулаком и гнусавил: "Аз есмь!"
Ну и кто же ты есмь, измождённая моль? –
Мутноглазый урод наркотических снов –
Пооблезла с волос inferнальная смоль,
Слиплись перья; душок кисловато-квасной.

Ты был юн и ужасен – лет тридцать назад –
Мышцы лопались сталью и верой святой,
Смерть обильно цвела в полудетских глазах,
И туманы в ущельях висели фатой.
А сейчас ты – ночной тошнотворный тамтам –
Параноик, нелепый картонный герой,
Не нашедший покоя ни тут и ни там
Бесприютно состарившийся Фигаро.

Извращенец, ты в сердце лелеешь мазки
Чужеродного солнца и сизую гарь...
Выпей яда, безумная птица тоски,
Не заглядывай в бездну, живучая тварь.
Я скандалил, грозил темноте кулаком...
Херувим испугался и тихо слинял.
Истекая неонам в небесный разлом,
Розоватое солнце вползало в меня.

Остывают осени кострища

Остывают осени кострища,
В полудрёме тёмная река...
По ночам ветра кого-то ищут,
И печаль рябиново горька.
День-другой – накроют снегопады
Наши тропки в яшмовом лесу,
Заискрятся в венах зимним ядом,
Всё тепло из сердца унесут.

Станет мир сияющим и хрупким –
Жутким сном под стынущей луной,
Заметёт глаза белёсой крупкой –
Равнодушной пылью ледяной.
Даст судьба иные жизнь и осень,
Горький дым рассеется в душе –
Упадёт росой на сенокосы...
Только мы не встретимся уже.

У меня в копилке

У меня в копилке – лето –
Шорох сумерек густых,
Сфинксы набережных Леты,
Разведённые мосты;
Комариным ультраписком –
Белой ночи недосып...
Институтские сосиски,
Тепловозные басы.

У меня в копилке – липкий
Взятый вскладчину портвейн,
Хрип насилуемой скрипки,
Паренёк-скрипач-еврей –
Взгляд с балкона горький-горький –
Вот ему б сейчас в футбол...
Скрип солдатской тесной койки,
“Боевые”, промедол.

У меня в копилке – город –
Сонный каменный гигант;
Снег, стремящийся за ворот,
Воннегут, Аксёнов, Кант...
Ленин, мучающий кепку,
В даль прищуренный хитро...
Коньячок тягучий-крепкий,
Хризантемы у метро.
И ещё: синдром осенний –
Зов холодной глубины,
Безысходность, смерть, спасенье,
Маргариты, Турбины,
Ямщики, вокзалы, вёрсты,
Мельтешенье лиц и лет...
Твой серебряный напёрсток –
Мой хранитель-амулет.

Зима подкралась незаметно

Зима подкралась незаметно
По бледным венам ноября
Неоспоримостью примет, но
Ещё не кончен бал-обряд:
И королева смотрит трезво,
И не замучены пажи,
И языки холодных лезвий
Укрыты в ножнах...
Но дрожит
Припухло-розовое нёбо,
И я дрожу под ним, нагой –
Как пыль осевших небоскрёбов,
Как небо в луже под ногой.

Последний снег

Когда-нибудь пойдёт последний снег,
Прощаясь, разожгут гирлянды ёлки,
Утонет город в праздничной возне,
И небо станет маленьким и колким.
Наркозом свяжет душу тишина,
Пугливым эхом вымерших подъездов,
Угаснет россыпь звёздного пшена,
Сомкнув кривые времени и места.
И ляжет снег – мерцающая пыль
Развеянных по вечности галактик,
Забьётся время – радостный упырь –
В финальном ритуально-жутком акте.
Вопьётся в цель недремлющий радар,
И не спасут ни крест, ни дружба Ноя...
Забудут люди, реки, города
Вселенную, ушедшую со мною.

Гумус

*Остается одно:
по земле проходить бестревожно.
Невозможно отстать. Обгонять –
только это возможно.*

И. Бродский
.....

Да, ничего на Земле не проходит бесследно...
Пылью зелёной рассыплется колокол медный,
В гумус вернётся, в пласты безголосого мела
Всё, что "рвалось и сияло, боролось и пело".
Смерть – это шаг по дороге в миры равновесий.
Как ни крути, даже если умру, то не весь я –
Жить буду в сыне – лице и нелепых привычках,
В жёлтой цепочке летящей ночной электрички.

В бликах закатно темнеющих окон напротив,
В розовом небе друг с другом воющих родин,
В смрадном подъезде уныло-облезлой хрущёвки,
В тёплых ладонях, спасающих мёрзлые щёки.
Буду скользить по воде, распадаясь на тени,
Инеем липнуть к металлу оградосплетений,
Спящих будить перестуком ночного трамвая,
Ухаты у новых домов забиваемой сваей.

Или – ночной тишиной забираться под кожу,
Мокрым асфальтом ложиться под ноги прохожим,
Падать на вымерший город тугими снегами,
Шумной водой разбиваться о дремлющий камень.
Или – куражиться ветром в трубе водосточной...
Всё согласовано свыше – надёжно и точно –
Вбита судьба – не изменишь – в рисунок накожный.
Что остаётся? – идти по земле бестревожно.

Когда он вытащит клинок

Когда он вытащит клинок
Из ржавых ножен,
Падут и Запад, и Восток –
Удар безбожен.
Переливаясь через край
Бездонной чаши,
Исчезнут веры и ветра,
И муки наши.
Растают запахи и цвет
В кромешной пасти –
Всё поглотит холодный свет
Иного счастья.

Когда вороны сядут на кресты

Когда вороны сядут на кресты,
Мазнув по куполам изнанкой дёрна,
Поймёшь – конец – исписаны листы,
И самовар испит семиведёрный.
Поймёшь – нельзя кормить полночных псов,
Снимая жир с блокадных тощих паек...
Но чёрных рек затянется лассо,
Ломая рёбра, в лёгкие влипая.
Креститься поздно – шпили – зубья вил –
Вонзились в небо, и ужасный Некто
Над Градом свод зеркальный искривил,
Корёжа оси стонущих проспектов.
Кликуши правы – кончился запас
Безликих дней в обители безбожья –
Вот-вот кровавой юшкой брызнет Спас,
Трёхвековую славу подытожив.
Заклацав шестерёнками, пойдёт
Слепой каток – приземисто и ходко,
И на Фонтанке медный идиот
Упьётся, наконец, палёной водкой.
Хребты ломая, время двинет вспять,
Прокатится чумой, войной и мором...
Но ляжет снег под утро, и опять
Возникнет из тумана вечный город.

Женская логика

Третьи сутки нет ни месседжа,
Небо гаснет обесточенно...
Ну пришли хоть эсэмэсочку –
Строчку, точку, полуточие.
Город тонет в искушениях:
Чебуречные, котлетные...
Люди загорелошеие,
Я одна такая бледная.
Я одна... а все при тонусе –
Петухи на сельхозвыставке –
Червячка морят в Макдоналдсе.
Счастье, видно, тоже быстрое –
Вот и кончилось, как улочка,
И молчит старушка "Нокиа"...
Пахнет сдобой из булочной,
А мужчины все – жестокие.

Мне б ещё пережить эту осень

Мне б ещё пережить эту осень,
Задрожавшую в тёмном окне...
Пронесётся она сенокосом
По недавно воскресшему мне.
Еле теплится жизнь под порошей,
В пепелище глядят облака...
Эта осень осколками прошлой
Не убила б меня, а пока
Заметут по остывшим аллеям
Хлопья манны, шуршаще-рябой...
Защемит в глубине, заболит
Тишиной, листопадом – тобой.

Незабудки

Незабудки – капли неба между кочек –
Бледно-синие, напившиеся рос...
Мне глаза твои приснились этой ночью,
Душный клевер растрепавшихся волос.
Невесомая рука – лебязья шея –
На груди моей – предвестницей утрат,
И дурманом разнотравья ворожеи –
Твой парфюмно-сенокосный аромат.
Горький запах ранней осени и мяты
Стыл покоем, зарубцовывал, сушил...
И туман стелился – вязко, виновато –
По низинам и пропадинам души.

Одолело мелкотемье

Одолело мелкотемье: пишешь, пишешь – всё не то...
По ночам стучатся в темя водка, женщины, авто.
Мне б любовью разразиться, смертью праведной зайтись,
Одинокой гордой птицей взмыть в сияющую высь.
Или, правдой истекая, в муках святость обрести,
Разморозить сердце Кая, по Руси в лаптях брести,
Амбразуру взять грудиной, крикнув: “Суки, вашу мать!”
И челюскинцев со льдины, жизнью жертвуя, спасать.

Мне б Снегурочкой истаять, сочинив убойный стих,
Вражью конницу обляять, тайну Партии блюсти,
Одинокество изведав, завязать себя узлом,
Принимать парад Победы, выживать смертям на зло.
“Freeeeedom!” – взвыть геройским мужем под дубиной палача,
Сыроежку грызть на ужин, жизнь отшельника влача,
Иль Джордано, нашим, Бруно на костре не подвести,
Рвать души больные стуны, “языка” в ночи вести.

Мне б лихим наскоком конным басурманский пыл унять,
Олимпийским чемпионом слёзы гордости ронять,
Кулаком валить трёхлетка, Змея-гадину чморить,
Разрывать грудную клетку, блох подковывать и брить.
Иль, заделавшись Маркони, репродуктор изобрести,
Песней “Кони мои, кони” бить стекло, царапать жечь,
Во дворце у дяди Вовы чай, прихлёбывая, пить,
Комиссара чуть живого в тыл под пулями тащить.

Или мне б, вскричав: “Измена!” на сырую землю пасть,
В шахте дав четыре смены, изорвать драконью пасть
Иль Мичуриным Иваном лапти яблоне привить,
Пить шампанское из ванны, злого демона травить.
Активистом у пивточки алкоголиков карать,
Уголовника с заточкой на приёмчик хитрый брать,
Иль задумавшимся клёном источать цветенья мёд,
Водкой – горькой и палёной – обрывать лихой полёт.

Мне б с Валуевым схватиться, башню Эйфеля спалить,
Охмурить красотку в Ницце, о берёзках слёзы лить,
В процветание и счастье человечество загнать,
Сатану порвать на части, Божий промысел познать.
Или, лучше, дать народу скреп немыслимую мощь,
Помирить прогресс с природой тишиной полей и рощ,
Зафигачить в стратосферу символ правды – триколор,
Осветить глубины веры – будто ухо доктор ЛОР.

Мне бы край освоить рódный – целину поднять и БАМ,
Урезонить принародно всяких пакостных Обам,
Мне б в Антарктике купнуться, возвести Кровавый Спас,
Золотой упругой бутсой Кержакову выдать пас.
Или Настей Волочковой взгреть тусовку дерзким па,
С жертвы стаскивать оковы, из себя давить раба,
Путь проторивая новый, грудью яростно дышать,
С Никитосом Михалковым судьбы Родины решать.

Мне б разведкой залихватской вражьи планы поломать,
Насмерть встать пред силой адской за Расеюшку, за мать,
Мне бы алчного чинушу своротить в бараний рог,
Исписавшись, резать уши – мол, не Вася я – Ван Гог.
Мне бы, встав под образами, светом ясным изойти,
Отчеканить: “Ешьте сами, так-растак-его-ети!”
Со спартанцем Леонидом в Фермопилах ждать восход
И врага народа – гниду, расколов, пускать в расход.

Мне б не скукситься на дыбе, мракобесов заклеив,
Дать голодным хлеб и рыбу, воплотить в реальность миф,
Космонавтом встав у трапа, подрожать краями губ,
Бросить, глядя на сатрапа: “Выпей яду, душегуб!”
Мне б порваться на кусочки, раскрошиться вешним льдом,
Мне б хоть две нетленных строчки – хоть об этом, хоть о том,
Но опять футбол, пивасик, девки голые, еда...
Тема вечная, ну где ты? Без тебя совсем беда.

Выпускной 79

Выпускной... На Неве паруса, белоночь в разгаре.
Две колонны застыли в ростральной суровости поз.
Оседлав парапет, из горла пью дешёвый "сухарик".

Ветерок заблудился в избыточной массе волос.
Льётся песня про солнышко – мило-янтарно-лесное,
Одноклассницы-золушки стали принцессами вдруг,
И с души, как с гранита, смывает волной наносное...
Только что-то гнетёт, отвлекает от песен, подруг.

Вроде, всё как всегда – до щемления в сердце знакомы
Очертания строгие... Город, ты мною любим.
Эти женщины-львы, соблазнительно впавшие в кому,
Раскалённые шпили над тёмной водой и людьми...
Гой, Петруша-минхерц, двухметровая мощь каротина!
Чудо-город отгрохал – всесильный волшебник-прораб.
Прибалдевший сижу, наслаждаясь душевной картиной,
А ведь всё на костях – миллионы угробил, сатрап.

Историчка талдычила: Петя – герой наш и слава –
Шведам дал прикурить и слесарил похлеще Левши.
Однозначно – герой – взял в невесты Катюху-шалаву –
В Амстердаме, наверное, перекурил анаши...
Ладно, Петя, проехали – хаять героев негоже...
Дремлет в сумерках город, воспетый в прекрасных стихах...
Только в чёрной воде ухмыляются хитрые рожи,
И из глоток дворов сквозняком вырывается страх.

И в охрипших парадных живут бесприютные тени,
И овчинкой сжимается небо при звуке звонка,
И маячит над каждой судьбой воронок-привиденье,
И колеблется жизни мембрана, предельно тонка.
Ухмыляются лики полночных химер Ленинграда,
Навалился гранитной плитой осмысления груз.
Не заглядывай в бездну... зачем тебе, Вася? Не надо.
Допивай "сушнячок" и готовься к экзаменам в ВУЗ.

Снег

Снег... Долгожданный дар богов...
Измотанный недельной стужей,
скрипучим ужасом шагов
и ядом солнца красной лужи,
очнулся город... Снег был нужен
пустынной гулкости аллей.
Кружилась манна – царский ужин
Иссохше-чёрных тополей,
и лился благодный елей
во тьму дворовых полукружий.

Снег... Лёг на спины площадей
язык балтийского залива,
и город – ловкий лицедей –
сменил обличье торопливо:
оплыл сиреневый чугун
оград Михайловского сада,
размякли жала якорей...
Дрожало сердце снегопада
в молочном воске фонарей,
и – маяки чужих морей –
мерцали окна, как лампы.

Снег... Наконец-то. В тишине
пустеют камни пьедесталов,
и муж торопится к жене,
и поезда спешат к вокзалам.
Плывёт небесным бланманже
неон томящихся гостиниц.
Споткнулось время... и уже
все обо всём договорились,
и шпили с небом примирились,
и отпустило на душе.

Сказка о дембеле

Не успел пацан жениться, маме счастье омрачив,
Как вошли в купе жар-птицы, разложили калачи.
Всё родней вокруг и краше, всё острее топоры...
“Я вас слушаю, мамаша!” – ухнул филин из норы.
Подоспели кулебяки в душном сумраке ООН.
Генерал-полковник Бякин – шестикрылый махаон.
Знаменосцы при параде, гуталин на каблуках.
Замполиты шутки ради прячут в тумбочке УК.

Собираются народы у вершины Арарат,
Чинно шествуют удоды, возглавляя хитпарад.
Зажигает в брачном танце министерский изувер,
Заблудился мозг афганца между двух рогатых сфер.
Дознаватель шьёт мокруху, ствол уликами пестрит,
В крайне правом левом ухе обнаружился гастрит.
Чудо-доктор Елизаров пилит ногу, не спеша.
Молодому комиссару вышла боком анаша.

В пункте сбора стеклотары туфли Золушки нагой.
Пригрозил суровой карой всем неверным Вечный Гой.
Бог сопит, впадая в кому, код Да Винчи разгадав.
Под надзором глаукомы спит недремлющий радар.
Над Мумударьёй Герасим вздёрнул алые клеши.
Остывает в сердце трассер – чёрный ворон так решил.
В соответствии с эпюром мост удержит восемь люсь...
Жду молодку с педикюром – светлым ужасом томлюсь.

Этой зимой

Этой зимой снег бесчинствовал, падая
В тёплые клумбы лелеемой памяти...
Вот и устал суетиться с лопатой я –
Трезвую голову прошлым опаивать.
Вот и устал я ловить в подсознании
Слабые импульсы лета и нежности –
Бредить на уровне неосознания,
Пряча глаза от глазниц неизбежности.

В жизни иные отправится облако,
Розово млевшее над перелесками...
Глухо прокашляет треснувший колокол,
Ветер о чём-то шепнёт занавесками.
В тихом июне дожди полусонные
Не наколдуют запретную радугу,
Ласточки станут мохнатыми совами,
Речи медовые – приторной патокой.

Всё отомрёт, перемелется временем,
Ляжёт на бронзе неряшливой патиной,
Ссыплется тусклой двуокисью кремния
В чёрные дыры, изнанки и впадины...
Только в нейронных сцепках останутся
Судороги нескончаемой осени –
Ржавые листья на мокнущей станции
И поезда равнодушно-курносые.

Метели

Январский город ёжился во сне,
И слышно было, как он влажно дышит.

Откашливая оттепельный снег,
Летала жизнь над площадью остывшей –
Мелькала многоцветьем витража,
Туманилась расплывами финифти;
Гудели над проспектами, дрожа,
Трамвайных нервов скрученные нити.

И ночь – июньских сумерек белей –
Легко кружила сорванные крыши;

Пронзая небо, руки тополей
Несли тепло земли куда-то выше.

Брели полупрозрачные дома,
Послушные неведомому зову,
Чугун решёток вспарывал туман,
Встревоженно металась тени-совы...

Качая фонарей молочный свет,
Заснеживая даты и постели,
На флейтах обесцененных побед
Играли петербургские метели.

Каменная туша

Город в сумрак погрузил
Каменную тушу.
Я лежу, лишившись сил –
Прожитое душит –
Ухмыляется хитро,
Щерится глумливо.
В венах – мутное ситро
Финского залива.
В лёгких – белая зола
Ветреных черёмух.
Васей мама назвала,
А живу ерёмой.
Да живу ли? – так, бреду
Вдоль стены острожной
И несу свою беду,
Словно куль пирожных.

В лиловых сумерках весны

В лиловых сумерках весны
Оттают наши города.
Глубины чёрного пруда
Впитают муторные сны.
Осенних страхов пелена
Спадёт надуманной бедой,
И я – опрятный, молодой –
Застыну тенью у окна –
Щемящей памятью о том,
Как в зыбких сумерках паря,
Голодный варвар ноября
Впивался в город жадным ртом.

Казнь

Осиновые колья пахнут истиной,
Скрипучей дыбой, факельной смолой.
Оскалившийся праведностью, истово
Судья-палач встаёт за аналой.
Ответчика, испуганно-усталого,
Прожжёт глазами, рыкнет: "Отрекись!"
Тот отречётся – в небо тёмно-алое
Уйдёт вода мелеющей реки.
Исчезнут все, кто живы на земле ещё,
Запёкшиеся губы хрипнут: "Да..."
За пеленой, закатно багровеющей,
Найдёт покой остывшая вода.
Взорвётся плоть – пыля-дробясь-коверкаясь,
Как пережжённый глиняный кувшин...
Качнётся гладь заплёванного зеркала,
Глотая цепь сорвавшейся души.

Огни Теночтитлана

Того, кто избран для закланья,
Везде найдёт священный нож.
Дрожат огни Теночтитлана
В стекле лорнетов тайных лож.
Следят вершители за драмой:
В тепле роддомов метит рок
Детей покорных Авраамов –
Лишь загудит сигнальный рог,
И новый сын на перекличке –
Возвышен, трепетен, смешон...
Тотальный грохот электрички...
Непромокаемый мешок.
Затихнут в шорохах распада
Салюты, возгласы, мольба...
И ляжет Родины помада
В зелёнку жертвенного лба.

Весна влетела стервой очумелой

Весна влетела стервой очумелой,
Я ей подстать – небрит и бестолков –
Дышу больничным запахом омелы,
Ловлю тугие тени облаков.
Укоротились ночи и невроты –
Весенний с зимним несопоставим...
Чужой и странной сделалась берёза –
Та, что гордилась именем твоим.

Мир многолик, понятен, одномерен,
Не слышен шёпот в скрипе половиц,
А наш дуэт ущербно-лицемерен,
Как хор блядей, поющих о любви.
Угасшие глаза на тусклых лицах –
Свет падающих звезд покинул их...
Лишь иногда забытым эхом снится
Осенний беж далёких глаз твоих.

Съела весна пересоленный снег

Съела весна пересоленный снег,
Лето иссохло сырами на блюде.
Дрогнув тяжёлой унылостью век,
Вспыхнула осень сиротским салютом.
Выжгла слепыми туманами ночь
Клетки твои – ничего не осталось –
Не вернуть, не согреть, не помочь...
Тают тоска, безнадёга, усталость.
Снова прохладно – остыли костры,
Небо уныло, бесчувственны руки...
Мысли непутаны, шутки остры.
Блажью нелепой – недавние муки.
Выспалась кошкой ленивой вина,
Мягко, зевая, скользнула за двери.
Страшно... однажды вкусивший вина
Воду простую хлебать не сумеет.

Я выбираю

Золотыми небесными рыбами
Набухает отчизны астрал.
Божьей милостью грянули выборы,
Рыболовы наладили трал:
Город в личиках праведно-масляных,
В мутноглазости явных харизм...
Отметая наймитов напраслину,
Голосуем за новую жизнь:
За единство распиленной родины,
За рождаемость – графики вверх!
За привычную всем тягомотину
Ежедневно-предкризисных мер.
Вот и я, по-советски воспитанный,
Бюллетенчик в руках теребя,
Улыбаюсь, про пташку насвистываю –
Выбираю...
Конечно, тебя.

Пощёчина

Пощёчина... рефлекс, дыханье, слёзы.
Щербатый кафель – скучное панно.
Молочный рай, избыточность глюкозы,
Слепящий круг за клетчатым окном.
Тягучесть дней: один, второй, четвёртый,
Стерильно чистый замкнутый мирок.
Голубенькая лента, лёгкий свёрток,
Клеёночная бирка-номерок.
Цветы, улыбки, ломкость нервных спичек,
“Отличный мальчик – будущий Тесей!”
Коньяк врачу, пятёрка медсестричке.
Агуленьки-агули... Здравсти всем!
Вонючий рыбий жир, закат в осинах,
Затрещина, “...а ну не плачь, пацан...”
Штаны на лямках, ёлка, апельсины,
Обманы мамы, первый мат отца.
Гематоген, орлянка, завуч-дура,
Тяжёлый рок, июнь, прощальный вальс,
Портвейн в парадной, лето, абитура,
Глаза и губы, тихие слова.
Причёска-ноль, молох святого долга,
Чужое небо, вымотанность жил,
Распад всего – тотальный и недолгий,
Короста затаившейся души.
Скалистый гребень, жажда, боль в сплетенье,
Туман в ущелье мертвенно-белёс...
По склону духи движутся как тени.
Текучесть крови, неба, жизни, слёз.

Безвременье... как медленно светает.
Молчат на полках пыльные тома.
Стоят часы, и прах небес слетает,
Как тёплый снег на серые дома.

Жаль прощаться с февралём

Жаль прощаться с февралём –
Отпускать привычный ужас.
Выше небо с каждым днём,
Фиолетовее лужи.
В клетки въевшаяся боль,
Тявкнув злой болонкой Болькой,
Убежала. Снят запой.
Переполнена помойка
Суицидно-зимним сном –
Бездыханной летаргией,
Завели роман с весной
Нервы, дёрганно-тугие,
А начальница – карга –
Симпатичной стала снова...
Не звони меня ругать,
Мама...
Знаю – бестолковый.

Март ушёл, коты притихли

Март ушёл, коты притихли,
Скучным сделался рассвет.
Закружился белым вихрем
Сакур вспенившихся цвет.
Небо – бледная сгущёнка,
Запах силосно-сенной...
Город, мартом истощённый,
К солнцу тянется спиной.

Взбухли мускулы поэтов
Силой верности весне –
Ненадолго – скоро лето
Затрепещет на блесне –
Разыграются мордасти:
Вздых – записка – поцелуй,
А потом и осень – здрасти –
Мокрой лапой по стеклу.

Протрубит сигнал измены
Кто-то главный в облаках,
Растекутся кровью вены
В тёплых ваннах... А пока
Зреют будущим вареньем
Вишен белые стада.
Вот и всё стихотворенье –
Можно хлопать, господа.

Усталый Бог

Усталый Бог уснул – поджал коленки –
Сопит в подушку – безмятежен сон.
Пульсирует висок набухшей венкой...
Бог – даже спящий – значим и весом.
Он целый день работал над Вселенной:
Сдавал метеориты во втормет,
Вытаскивал галактики из плена
Туманностей коварных Андромед.

Будильник, душ, некрепкий кофе, сушки...
Рабочий день – пространства и миры.
Пылятся без внимания игрушки –
Бог повзрослел – теперь не до игры.
И потому меж чёрных дыр, под хрусты
Хребтов галактик, брошен и раздет,
Летит голубовато-серый сгусток –
Теряется в кромешной пустоте.

Крыжовник со смородиной

Поселюсь в деревеньке – вдали от курортов и трассы,
Разведу в камышовом пруду золотистые звёзды...
Нарисую судьбу на новёхонькой tabula rasa –
Канут в прошлое злые вокзалы, тревоги и вёрсты.
Пропишу долгожданный покой на лице простоватом –
Эх, да что там лице – благодушно-упитанной mine...
Погружусь, засыпая, в привычного шёпота вату,
Надышавшись целебным эфиром волос и жасмина.
И проснусь от горячего запаха сырников свежих –
Испугаюсь, что рай этот мне по ошибке подарен,
Но в медовых глазах у тебя бесенята всё те же,
И крыжовник под окнами так же росист и янтарен.
Отпущу журавля и пшенички отмерю синице,
Вспыхнут белым шиповником флаги моих поражений...
Что за глупая блажь – к остывающим звёздам стремиться,
Если рядом в пруду сотни их золотых отражений?

.....

Твои волосы шепчутся с кронами,
Что разбужены ветром ночным,
Губы – терпкие вина креплёные –
Мятным абрисом чуть не точны.
Руки – мёд – то гречишный, то липовый –
Свежевыпавший утренний снег...
Спят ресницы, июлем политые,
Вспоминая снежинки во сне.

Спят осины печальными вдовами –
От вершин уязвимы до пят –
Фиолетовой тьмой околдованы,
Лунным светом облитые – спят.
Спят янтарно-небесные родинки –
Верный признак счастливых кровей –
Золотистые жёлтосморозинки –
В тон глазам и улыбке твоей.

Спираль

Уходит в небо времени спираль –
Теряется за облачной сгущёнкой,
И прошлого уже не отстирать,
Не возвратит однажды не прощённых.
Истаял жар хронических ангин,
Холодный воздух зим не так игольчат,
И к берегам таинственным, другим,
Устал манить охрипший колокольчик.

Пришёл покой – медлителен, медов –
Последний козырь вымученных тождеств.
Питая благодать чужих садов,
Иссяк грибной, плоды сулящий дождик.
Сметая пыль обрушенных святынь,
По зимним переулкам ветер рыщет...
И новые прекрасные цветы
Взрастают на остывших пепелищах.

Нью-Йорк – Нижний

Стрелки встали где-то на полжизни
И стоят без малого полгода.
Снег укутал съёжившийся Нижний,
А в Нью-Йорке летняя погода.
Между нами треть земного шара –
Я ложусь, а ты клянёшь будильник...
Не тушить мне губ твоих пожары –
Самому дымиться бестактильно.
За окном зима – деревья голы –
Словно ты с утра под тёплым душем...
Мажешь булку тающей "Виолой",
Я – печалью – высохшую душу.
Вспоминаю сонные аллеи,
Жёлтый цвет листвяного батиста...
Город твой, закатами алея,
Проплывает в дымке золотистой.

Врач ты мой – пинцеты да зажимы,
Строгость взгляда, сдержанность серёжек...
Рвусь ночами – буйно-одержимый –
Жутью снов нещадно искорёжен:
Снится таз – огромный, хищно-медный,
Плач оркестра, траурная лента...
Корчит рожи мне в лицо победно
Тьма твоих болезных пациентов.
Ни тепла, ни глаз уютно-томных,
Ни речей стеснительно-нелепых...
Только мрак в глубинах стылых комнат,
Ледяной покой глухого склепа.
Эх, судьба – подножки да ужимки –
Таёт жизнь – страница за страницей...
Ты идёшь, и трогают снежинки –
Словно я во сне – твои ресницы.

Мочи зоилов!

*Группа ремесленников оседлала блоги и занимается откровенным зоильством!
Поэты бессильны против зоилов – ремесленников от поэзии!*

Из речи некого Пророка в блогах некого литресурса.

.....

Снилась мне отчизна, берег милый,
Ситцевая рощица, родник,
А потом нагрянули зоилы –
Господи, спаси и сохрани!
Я не мог согреться даже в ванне –
Бился сёмгой в нервном мандраже,
А зоилы когти графоманьи
Устремляли к трепетной душе.

Пасти их сочились дрянью едкой
На пуховость белых одеял,
И стервозно фыркала соседка:
“Где ж ты, милый, силу растерял?”
Растерял... её и так-то было
С гулькин нос – не мачо я – поэт!
А ночная жуть – зоильи рыла –
Даже мизер тот свела на нет.

Мы, творцы, карасиками в иле
Ныкаемся, хнычем: “Ой, боюсь...”
Щерят пасти хищники-зоилы...
Ну доколе?! Подымайся, Русь!
Прекращай мычать, берись за вилы –
Бьёт набат в пылающей ночи.
Ежли где нарвёшься на зоила,
Прямо там его и замочи!

Когда затихают движения

Когда затихают движения, лунные гвозди
Сбивают нас в контур, единый по линиям сна,
В раскрытые окна струится сиреневый воздух,
А тайна единства дыханий предельно ясна,
Ты смотришь в мою обнажённую спящую душу –
Внимательней неба, задумчивей невисской воды –
Находишь зловонные чёрные лужи, и сушишь,
В остывшую плоть возвращая младенческий дым.
Ты смотришь, врачую... На тонкой опоре предплечья –
Лицо-ореол – отворотом войны и беды,
А в тёмном окне – в пустоте, расклубившейся млечно,
Далёкие звёзды и тихая музыка – ты.
Ты – небо с земными глазами усталой Мадонны,
Невинность росы, напоившей ночные луга,
Бесстыдство луны, целомудренность тихого стога,
А я только глина в твоих невесомых руках.

Тыква

Лето стаяло ирискою,
Расползлось, халтурно смётано.
Сентрал-парк о солнце низкое
Трётся клёновыми мётлами.
Затянуло невской свежестью
Стриты-щёлочки Манхэттена,
Небоскрёбы сонно нежатся
В дымке зябко-фиолетовой.

В этой дымке – детский утренник –
Садоводство – рай люпиновый,
Водка с пивом – пойло мутное –
Сквер, уснувший под рябинами.
Город, оттепелью мучимый,
Снег, летящий над хрущобами,
Скрип несмазанной уключины,
Лето ягодно-лещёвое.

Всё, что было раньше дорого –
Алый цвет, салют, солдатики –
Возвратилось липким мороком,
Проржавелой грудой статики.
Всё, чему молились раньше мы,
Ухмыльнулось дамой пиковой...
Прокатилась жизнь оранжево –
Хэллоуинской глупой тыквою.

Ночь перед Апокалипсисом

Так... колбаска, сыр, пельмени...
Сердце ёкает – ёк-ёк.
Хлопочу, как шустрый веник –
Жду соседку на чаёк.
Целый год по ней томлюся,
Спал и с тела, и с лица...
Ах, голуба моя – Люся,
Не травмируй молодца!

Вот тебе платочек – Гуччи,
Телогреечка – Шанель...
А душа дымком тягучим
Зависает в вышине.
Чуть колышется гардина,
Кошка нежится в окне,
Сладко ноет за грудиной –
Ближе к левой стороне.

Каплет в банку самогонка,
На селёдочке – лучок.
Шпик нарезан тонко-тонко –
Будто звёздочным лучом.
Охлаждён компотик (слива),
Заготовлен умный тост...
Прошмыгнул в сенях пугливо
Апокалипсиса хвост.

Тень в углу дрожит и тает,
Сумрак – бархатной стеной...
Пронеслась мурашек стая
По ложбинке, по спинной.
Ждёт гармонь, томится свечка,
Свежий коврик у дверей.
Шебуршит сверчок за печкой...
Люся, приходи скорей.

Прогулки с Шариком

Утренняя

Месяц ослабил оскал гуинпленовый,
Вянет звезда – золотой мандарин.
Stairway to Heaven пылит гобеленами
Бледно-клубнично-похмельной зари.
Светлым расплывом над книжными полками
Утро вползает в пустые глаза...
Щёку лизнуло горячим и шёлковым –
Шарик-шарпей извертелся, оса.

Выйду, с соседкой любезно рассмайлаюсь –
Милая, как и её пекинес.
Хэмилтон-стрит переходит в Измайловский
Где-то на стыке Россия-US.
Тихо ворчит, прогревая автобусик,
Саймон из Киева – бывший Семён...
Точка в безумной абстракции глобуса –
Место скрещенья миров и времён.

.....

Вечерняя

День отшумел... все вернулись, потери ничтожны.
Окна в припадочных па сериальных теней.
Шарик притихший щенячее счастье итожит –
Встречи с подругой – наверное, вспомнил о ней.
Бред океана карьерные сдвиги пророчит...
Запахи прели, шуршание редких машин.
В чистую клетку пора ставить... галочку? прочерк?
Бога спросил бы, да где он – маши, не маши...
Глупые звёзды срываются вниз лотерейно,
Путая руки блудниц и прекрасных невест.
Stairway to Heaven в бычках и разлитом портвейне –
Старой хрущёвки взмывающий в небо подъезд.

Она собралась

Она собралась: пара платьишек, пяльцы-иголки,
Кусок янтаря с муравьём, фотография мамы,
Какие-то зеркальца, бусы, фломастеры с полки,
Велюровый клоун – потёртый, но самый-пресамый.

Она собралась... раздарила посуду и шмотки,
Ведь он говорил: там другие масштабы и мода...
Просил не забыть лишь оленью изящность походки
И запах волос – горьковатый от солнца и йода.

Она собралась, и оставила сад неполитым –
Отбросила прежнюю жизнь кожурой апельсина:
Бесцветные годы – бетонные мёртвые плиты,
И всё, что любила – до самой холодной росинки.
И море уже не казалось, как прежде – огромным,
Ленивое солнце ползло над ветвями ореха,
Горячие блики скользили по замершим кронам,
И чайки кричали, прощаясь...
А он не приехал.

Абсолютный ноль

Вечный ноль... абсолютный... застыли плясуньи-молекулы.
Дни, как рыбы, вмерзают в оконную льдину стекла.
Никого не найти, не узнать... и окликнуть-то некого –
Даже тень заструившейся ящеркой в пол утекла.
Иzolгался маршрут в лабиринте безвыходно-критовом,
Приболотной гнилухой угас путеводный маяк.
Только стылое небо вздымается тускло-нефритово,
И торосами щерятся тёплые в прошлом моря.

Но когда захлебнётся унылостью вечность безлика,
Возвратится с туманами запах тягуче-лесной,
Где-то снова замкнёт, заискрит, еле слышно затикает,
Кашлянёт, встрепенётся, задышит... И новой весной
Над развалами брошенных жизней и ломаной мебели,
Словно в чистой воде над озёрным заиленным дном,
Проплывут в облаках невозможно реальные лебеди –
Беззаботные сны о далёком, забытом, родном.

Конец зимы

Задёрнув небо траурной печалью,
Кленовых вен распутывая вязь,
Февраль меня, усопшего, встречает,
В глазницы високосностью ложась.
Он входит в плоть лилово и бесснежно
Недоостывшей мякотью земли,
Срывает погребальные одежды,
Съедает с губ ванильный вазелин...
Зима, таясь по вымерзшим парадным,
Хрипит, клокочет, сдавливая вой...
Взрываясь амплитудой, диафрагма
Фиксирует: дыхание... Живой.

Клеймо

Потеряло линейность когда-то стабильное время –
Каждый год вполтину короче того, что прошёл.
Бутафорски лоснится недавно подкрашенный Кремль,
Все живут, кто как может – бывает, что и хорошо.
А когда-то казалось: ништяк – рота шла без “двухсотых”,
Прикрывали вертушки, хватало комплектов броне,
И одну за другой отбивали у духов высоты,
И поили солярой стальных огнезубых коней.
Содрогалась земля, чёрным выхлопом путались гривы,
Пыль вставала до солнца, над шлемами ворон летел,
И темнели глаза, и коробились души наивных
Замурованных в хаки больных тонкошеих детей.
Не обманешь войну – под завязку забьются “тюльпаны”,
Чёрной меткой пошлёт военком похоронку вдове,
Но ползли караваны, и парни валили душманов,
И кололи друг другу на торсах: “Афган – ВДВ”.
Упирались, взлетали, карабкались, мучили МАЗы,
Обрывались с вершины в зелёной рыгающей лес,
Выдыхая удушливый запах горелого мяса
Бензовозов, пылающих чёрным укором небес...

Сдует пепел весенним безумием птичьего гама,
Отбормочут молитвы священник, мулла и раввин...
Шевельнётся в груди бледно-жёлтое солнце Афгана,
Заскребёт на душе несводимым клеймом: шурави.

Морошка

Снег ложится на плёнку пруда,
На обглоданный куст под окошком...
В кристаллической фазе вода,
А на сладкое – только морошка.
Мелкой сыпью снежинки-ежи –
По лицу, по годам, по аллее...
Нарушая больничный режим,
Выхожу за флажки... и болею.
Рано к Богу, но поздно к врачу,
Вижу тени в мерцающей взвеси,
Плёнку жизни обратно кручу
И живу её вновь – в этом весь я –
В беспокойной привычке хранить
Полувзгляды, слова и картинки,
Прясть назойливой памяти нить
Из оборванных нервов и линков.

Отмелькают бессонно огни
Полустанков ночных и тревожных,
Бездыханные зимние дни
Задохнутся теплом невозможным.
Пропадут, будто кто-то украл,
Остроклюво-чернильные ночи,
Разлетится тягучий астрал
В облаков розоватые клочья.
Будут руки и будут слова,
Сердце пытку молчаньем забудет,
Сенокосно запахнет трава,
Только осени больше не будет –
Жёлтых лип и тоскующих глаз,
Предзакатно-доверчиво-нежных...
Штопай, штопай, тупая игла,
Прогорай, отсыревший валежник.

Мне давно не снились туманы

Мне давно не снились туманы,
Острова, берёзки, рассветы...
Сон пошёл – ни цвета, ни праны –
Как дожди небабьего лета.
Как дожди... и часто под утро
Пробивает холодом липким...
А ведь раньше – камы да сутры,
Ручейки-луга, клёны-липки.

И уже не снятся ступени
Триумфально-вычурной арки...
Что-то вскользь, легко, привиденьем
Прошуршит темнеющим парком –
Растревожит ноющей скрипкой,
Беспокойным запахом ночи,
Чепухой про нервную рыбку
И заветный чудо-цветочек.

А потом из дремлющей ряски
Распрямит чудовище холку...
Заколотит мелко и тряско,
Заскребёт по рёбрам иголкой –
Не сосновой, с запахом терпким,
И не сталью ревности острой,
А тоской по барышням: Верке,
Надьке, Любке... где же вы, сёстры?

Где же пыл мой, юный-рысачий?
Выцвел флаг, поломано древко,
Износились гуччи-версачи –
Видно, жить придётся без девок.
Вот и сны теперь – не жар-птицы,
И не абрис ножек точёных,
А дожди, дороги и лица
Всех забытых и непрощённых.

Я не хотел быть гением

Я вас любил: любовь ещё, быть может...

А. Пушкин

.....

Я не хотел быть гением, но стал:
За преферансом в это воскресенье
На краешке расчётного листа,
В предчувствие унылости осенней,
Под нервное дрожание звезды,
Под шорохи, мурашащие кожу,
Моя рука, считавшая висты,
Вдруг вывела:
"Любовь ещё, быть может..."

Бессонница

Актёрами в бессоннице-игре
Ночные мысли, звуки, полутени...
В тугом узле причудливых сплетений
Меняют роли праведность и грех:
Солдатский хлеб становится икрой,
А первый шаг – путём – кривым и длинным...
И в памяти уже неразделимы
Попутных женщин голоса и кровь.

Одна шептала: "Всё вернётся, верь,"
Темнея силуэтом у калитки,
Другая въелась ласковой улиткой –
Случайно постучавшаяся в дверь.
Лежит межа по внутреннему шву –
Кому-то меньше, а кому-то больше,
Но голоса их – голос Бога, боль же
Лишь говорит о том, что я живу.

И я дышу – так, как вчера не смел –
Глотаю космос, сладостный и едкий,
Рекой теку из проржавевшей клетки
И впитываю, как иссохший мел,
Глухую поступь сумрачных коней,
Протяжный зов холодного Эреба
И взгляды всепрощающего неба
Сквозь форточку в заплёванном окне.

Парк

Остывший парк янтарно бледен
И суицидно одинок.
Кленово-траурный венок –
Щемящей памятью о лете.
Земля задумчиво итожит
Дождями кающийся год –
Рубцы осенних непогод
На голой сморщившейся коже.
Прозрачна неба перепонка,
Неотвратим судейский взгляд,
Успеть бы сосчитать цыплят –
Вот-вот порвётся там, где тонко.

Мои цыплята... как вас мало:
Вечерний сумрачный покой,
Заката тёмные лекала,
Олени в роще за рекой,
Живой воды, смертельных ядов,
Сластей и горечи баланс,
Беззвучный шорох листопада,
Осенних мыслей декаданс...
Пожалуй, лишь одним смогу я
Хвастнуть у сумрачной реки:
Сумел, сумел любить другую
Природе страсти вопреки.

Поход

Оторвав от доверчивых губ с ароматом смородины,
Распалив военкомовской речью про светлую рать,
Под гармошку и горн престарело-похмельная Родина
Провожала в поход сыновей – убивать-умирать.
Промокнула сухие глаза, предписания выдала,
Разложила по папочкам тысячи лиц и имён,
А тела – на съедение вечно голодному идолу –
Эх, насытятся свеженьким алые глотки знамён.

Раззудись-ка, плечо – после спячки так радостно дышится,
Оцинкованной стали избыток в прекрасной стране...
Блеют маршем оркестры, и маршалы строгие пыжатся,
Матерится любовь, развалившись на грозной броне.
Над колоннами птица летит, в клюве веточку мучая –
Не впервой ей, заботливой, в гости дорожку торить...
Скоро вера и долг переплавятся в ненависть жгучую,
Умирать станет проще, чем трахаться или курить...

Умирать станет легче, спокойней и даже естественней,
Чем, живя, разрываться от острого чувства вины
И пытаться понять: кто наслал это хищное бедствие –
Ненасытное блядство объявленной кем-то войны?
Всё пройдёт, отгорит-отгремит, отболеет, загладится,
Сгинет в мутном потоке текущих событий и дат,
Только где-то в крошечных глубинах никак не заладится...
Не заглядывай в бездну... живи, не морочась, солдат.

Он где-то там

Он где-то там... живёт себе беспечно,
Не спит ночами, мёрзнет по утрам.
Сандалики стоптав дорожкой млечной,
Лечить мозоли ходит к докторам.
Рассеян он, игрив и любопытен,
Капризен иногда, но незлобив,
И след его за облаком не виден,
И тихий смех почти неуловим...
Но он живёт: болеет, сушит перья –
В лиловом небе мал и белокрыл...
Прощает страх, нелепость, суеверье,
Находит ложь, куда бы ты ни скрыл.
И в час вампира ты не будешь брошен –
Он прилетит – поверь и позови –
Прольёт на язвы губ твоих иссохших
Вино дождей, покоя и любви.

Вечер

Лилово остывает день... Длиннее
Становятся косые тени лип.
Тягучий воздух медленно пьянеет...
Затихший город сумраком облит.
Приблизившись, густеющее небо
Сочит на крыши липкую печаль.
Задумчив кот, укрыты ноги пледом,
Темнеет в чашке недопитый чай.
Заветная звезда глядит с укором,
И сладок плен невидимых оков
Рябины утонченно-чернокорой,
Распятой на кресте из облаков.

Зимняя колыбельная

Отвернись и засыпай, не трепи подушку...
Баю-баю, баю-бай – я тебе на ушко.
Видишь: сонно у реки маются лошадки,
Незабудки-васильки, мост висячий шаткий.
Домик с печкой и сверчком – хмель по стенам дикий,
К солнцу льнущая бочком зреет земляника.
Тихий яблоневый сад, облака-пионы,
Приставучая оса, полдень монотонный.

И ни зависти, ни зла, ни тревоги липкой –
Лишь крапивой заросла рыжая калитка.
Будет вечер рисовать сумрака сплетенье,
Закричит в лесу сова, встрепенутся тени...
И разлучник океан станет мельче лужи,
Загляну в твой сон-туман – будто бы на ужин,
Но будить не стану – лишь прикоснусь к ресницам...
Как же грустно ты сопишь – видно, осень снится.

Метка

Вот и дожди – моют, шурша, рамы.
Осень в окне... или её призрак?
Вот бы сейчас взять и спросить маму:
– Ма-ам, а зачем на проводах искры?
– Ма-ам, а когда будет уже ёлка,
И почему кто-то зажжёт листья?
– Спи, дорогой, видишь – на той полке
Маленький Принц пишет тебе письма.
Спи, мой сынок, видишь – луна виснет
Дыней в окне, чтобы ты спал сладко,
Чтобы всегда в длинной твоей жизни –
Сколько прорех, столько же и латок.

Темень в углу, мерно жужжит счётчик.
Скоро снега, и Новый Год скоро...
Тени в окне всё холодней, чётче –
Жёлтая пыль, чёрная гарь, горы.
Жизнь загудит – люди, дела, тосты,
Берег чужой станет тебе сладок...
Скоро поймёшь – это совсем просто –
Нет на Земле рая и нет ада.
Зреют дожди в сонных глазах неба,
Тяжестью лет гнутся к земле ветки.
Розовый дым яблоком стал, хлебом...
Осень в ладонь – жёлтым листом-меткой.

Осень... Горький дымок листвы

Осень... Горький дымок листвы
Замусолен в сезонных песенках.
Догорают леса, мосты;
Небо цвета холодной плесени.
Век не вечность – растает вмиг,
А безбожье зимы – тем более –
Вспыхнет розовый сердолик –
Оживая, вскипят магнолии –
Утонуть бы, да в тихий рай
Непутёвых пускать не велено...
Позабыт ледяной февраль;
В облака извергаясь зеленью,
Блэклость неба извёл апрель –
Как по травам прошёлся косами...
Не туманит глаза теперь
Дым согретой тобой осени.

Город золотой

Вот и кончилось наше нелепо-случайное лето –
Запеклось на губах переспело сочащейся вишней.
Канул в мутные воды тяжёлой медлительной Леты
Так недавно ещё изумрудом сияющий Нижний –
Золотисто-сиреневый – в ситцево-липовых рюшах –
Под звездой апельсиново-рыжей, медово-осенней –
Заколдованный сад, где всё травы-цветы да зверюшки,
Да хрустальность ворот под небес аметистовой сенью.
А теперь под звездой окаянной лишь морок продроглый,
Полустанки ночные, лезгинка столбов-километров...
Пустота, бесконечная темень обратной дороги,
Заблудившийся запах волос в налетающем ветре.

Эндорфиностимуляция

Вот уже который месяц /по секрету, очень лично!/
Я сижу на буженинке, жирной сёмужке, икре,
Аппетитно охлаждённой в морозильнике "Столичной",
Осетринке желтобокой и нежнейшей фуа-гре.
На огурчике солёном /со слезой/, бифштексе с кровью
/Ах, как девственно томится дивный палтусик-нарез.../
Обездолен и унижен незадавшейся любовью
Я несчастен, и нуждаюсь в эндорфинах позарез.
Вот и сел на бри свежайший с маринованной миногой –
Перламутрово-упругой – под холодное пиво,
На селёдочку под шубой /шубки чтоб не очень много!/,
Студень, трепетно дрожащий /и с горчишкой, и с хренком!/
А чего? – гораздо лучше, чем рыдать и резать вены
Или антидепрессантом горло судорожно рвать.
Эндорфины – это классно – тортик ромовый из "Вены",
Ананас, ликёр, какао... ванна, тапочки, кровать.

Словно тёмный агат

Словно тёмный агат ночь ивано-купальная,
Перламутром по небу зарницы разбросаны...
Растревоженно шепчутся ели печальные,
Наливаются травы тяжёлыми росами.
Заплетают легенды мудрёное кружево:
Мол, войной и чужбиной побитый-исколотый,
Леший, ставший ручным и доверчиво-плюшевым,
Полюбился русалке из тихого омута.
Он в душе её грелся – желанным и прошенным,
И косу расплетал – беспокойную девичью,
Падал в небо зрачков, тишиной замороженных,
И пыльцой осыпался на донышко венчика.

Тихим шорохом сосны напомним о таинстве –
Как вздымались костры огнерукими волнами,
Обживались на крышах влюблённые аисты
И венки по реке уплывали безмолвные.
Поднимались туманы над вереском розовым,
Оплывали под солнцем, горячим и ласковым,
Шелестели луга золотыми стрекозами,
И закаты тянулись неспешными сказками.
Те деньки, обернувшись золой неизбежности,
Отзвенев по лешачьему сердцу подковами,
Долго будут аукать мучительной нежностью –
Синевою русалочьих глаз поцелованных.

Сок спасительных сакур

Непокорно перо – изорвёт ли, изнежит бумагу,
И неясен исход ледоходов извилистых рек,
Но уже закипает в крови сок спасительных сакур,
Возвращая сторицей утраченное в октябре.
Скоро он разольётся, задышит, расщедрится пеной,
Доминантой восхода погасит небесные льды;
Розоватой субстанцией вспыхнут замёрзшие вены,
Среагировав лакмусом на малокровье среды.
Розовато-телесный, бесстыжий как майская мода,
Этот сок безвозвратно изгонит душевный рахит...
Объявляя конец високосным терзаниям года,
Ты зажжёшь ветви сакур движением светлой руки.

Глаза

*Глаза, словно неба осеннего свод,
Но нет в этом небе огня.
И давит меня это небо и гнёт –
Вот так она любит меня.*

Б. Окуджава

.....

Глаза – голубых океанов вода –
И свет в ней, и донная муть...
Поймают – ни вверх и ни вниз – никуда –
Не вынырнуть, не утонуть.
Опустишься глубже – удушливей гнёт
Безумием тронутых дней,
Поднимешься – светом слепящим сомнёт –
Стеной миллионов огней.

Обманчива ясность солёной воды,
Но пьёшь её жадно и пьёшь,
И зреют кристаллы жестокой звезды,
Клубится песчаная ложь.
В глазах у тебя и спасенье, и яд,
И мёд, и тяжёлый кистень...
То плача, то птицей порхая-скользя –
Вот так и живу – полутень.

Под зарева трепещущих знамён

Под зарева трепещущих знамён,
Под горны, будоражащие нервы,
Кровавой меткой будучи клеймён,
Убийца Марс, как девку, брал Минерву...
Прищуривал похабный красный глаз
И пользовал распластанное тело,
И хоть крестись, хоть совершай намаз,
Хоть кол теши на лбу закостенелом.
Свою косу он истово точил,
Стремясь повисить эффективность жатвы –
В чужой песок вращали, в землю, в ил
За родину распятые солдаты.

Но догмы хитроумных главарей
Должны порваться в тех местах, где тонко...
Заломом пальцев жён и матерей,
Расплавшейся печатью похоронки
Пронзает мозг разнузданных столиц
Мучительно-тревожно-незнакомый
Набат, сирена, зуммер часа Икс...
Стекаются в походные колонны
Посланцы истин праведно-иных –
Хранящие отверженность-награду
Солдаты неоконченной войны –
Осколки зарождающейся правды.

В. Лаврову

*И осталось только слово
Больше нечего жалеть...*

Владимир Лавров

.....

В который раз скукожилась трава,
И журавли за счастьем полетели...
Как долго я печалился по вам,
Мои дожди, снега мои, метели.
Измученный житейской суетой,
Смотрю на остывающие рощи,
На белый дым – медлительный, витой –
О тишине молю – мне с нею проще,
Чем с радостным июльским конфетти
И августом, расплывшимся в вареньях...
Устав дышать, надеяться, идти,
Вхожу в обитель райского смиренья.

2014

Последний троллейбус

Где кончается город, задушенный пыльной дорогой,
За которой начало свободе, а жизни – конец,
Где закатное солнце висит на сосне одноногой,
А залив молчаливый надел камышовый венец,
Где в пустынных полях, колосющихся болью, как хлебом,
Исчезают надежды – бесследно – зови-не-зови,
Там последний троллейбус, рогами царапая небо,
Подберёт убиенных малиновым ядом любви.

Сны и звёзды

Сны у солдата не длинные –
Линией – быстрой и тонкою –
Вычертят руки любимые
Или обнимут “зелёнкою”.
Сны у солдата спокойные,
Вера – в пророчества млечные –
Может, споют упокойную,
А захотят – подвенечную.

Сны у солдата не яркие –
Блёкло-осенне-пастельные,
Непостоянно-двойкие –
Горькие и карамельные.
Сны эти – глупыми метками –
Сбудутся вряд ли – как водится –
Камни не станут конфетками...
Звёзды о всех позаботятся.

Всё пройдёт и перемелется

Всё пройдёт и перемелется,
За окном туманы стелются –
Предрассветно-розоватые –
К травам заспанным посватаны.
Сгинет ночь в лиловом саване,
Корабли вернутся в гавани,
В сердце выжженном-исколотом
Обратится пепел золотом.

Всё пройдёт и перемелется,
Стены чёрные побелятся,
Унесёт дождями-тучами
Всё, что жгло тебя и мучило.
Всё, что дыбило и пенило,
Колотило и осёнило,
Кралось в сумерках оврагами,
Шевелилось под корягами.

Канут в прошлое отчаянье,
Ночи долгие-печальные.
Видишь, зреет даль сиренево –
Таёт ужасом шагреновым?
Свет скользит сквозь тьму оконную,
Птица вскрикивает сонная,
На лугах трава не кошена...
Засыпай, моя хорошая.

Лучина

Радость ли в груди, тоска-кручина,
Дождь промозглый, солнце – всё одно...

Ты гори, гори моя лучина,
Жизнь, вращай своё веретено.
Не гляди, что пряжу накрывает
Длиннохвостых сумерек полой.

Тени как измученная стая...
Выщербленный столик-аналой
В воске отгоревших жёлтых свечек...

Страны, города, друзья-враги...
Поминальный свет далёк и млечен,
В небе – россыпь звездной кураги.

Женщины с любимыми глазами –
Вон одна... вторая... целых три.
Пьедестал, что вечно кем-то занят.

Ты не спи, звезда моя, гори –
Догорай до полного распада,
Пеплом в корни яблони ложись...

На Земле нет рая или ада,
На Земле другая сказка – жизнь.

Ходики

Ох и растикались ходики –
Гирька всё ближе к черте.
Скачут-проносятся годики –
Бешено, очертенов.
Жизни полощется марево –
Чётких фигур не собрать...
Вот и кукушка состарилась –
Век, что ли, ей куковать?

Носу не кажет из домика –
Совесть, как видно, казнит.
Книг подыстлевшие томики...
Шорох мышинной возни...
Крошки на выцветшей скатерти,
Сохнувший в косах чеснок,
Фото красавицы-матери,
Рядом – любимый сынок...

Копоть лучины мазюкает
Старый эстамп на стене.
Память ожившими звуками,
Лица сплетеньем теней.
Чьи-то мерещатся родинки,
Звякает дней дребедень...
Тикают, тикают ходики –
Завтра ещё один день.

Вскрытие

Серебристо-плюшевыми вербами
Май пришёл в застенчивых тонах.
Делали мне вскрытие посмертное
Три хирурга, Бог и Сатана.

Бог кричал:

– А ну гоните лёгкие,
Лёгкие отдайте, стервецы! –
Чистенькие, дышат – ух, как ёкают –
Некурящий, видно, крякнул в цинк.

И хирурги – руки обезьянии –
Деловито вывалили в таз:
– Принимай, Господь, как покаяние...
Сердце не дадим – у нас заказ.

Кровушку сцедили в ёмкость с рисками –
Столько я не видел на войне...
– Мне двойную, – начал Бог капризничать –
Он по жизни должен мне вдвойне.

Я ему:

– Да в чём виновен, Господи?
– Грешен ты, убивец-баламут!
Я казнь – холерами и оспами,
Маслом на путях, веками смут.

Ну а ты куда, дитяtko глупое,
Возомнил, что ровня мне, гордец?
Вот лежишь теперь, глазами лупаешь,
Мне плевать, что я и твой Отец!

– Лжёшь, Отец, я в ад попал не с кастинга –
Ни Кармаль не брат мне, ни Бабрак,
И священник – пьяненький-щекастенький –
Говорил, что можно, если враг.

– Дурачок, мозга твоя куриная,
Только я решаю, что почём!
Матерью клянусь своей – Марией – я!
Я творю, а ты его мечом?!

Долго мыли мне печёнки-косточки,
Спирт потом глушили, как шербет.
Бог устал, присел, как зэк, на корточки,
Даже гимн российский был пропет.

Только Сатана молчал-печалился,
Разминал ступни затёкших ног...
– Всё моё, – сказал, пожал плечами и
Вышел – безразличен, одинок.

Предписано трепещущим поэтам

Предписано трепещущим поэтам
В туманных высях призраки ловить –
Мерцать во мгле потусторонним светом
Отжившей, разложившейся любви.
Раскаянием осень набухала,
Плела венки на похороны дня,
Висел закат – бессмысленно и ало –
Холодным сном опутывал меня.

Унылый день размеренно и тяжело
Последние минуты добирал –
Беспечный, не заметивший растяжку –
В сгущающемся сумраке сгорал.
Шуршали скверы ёжащимся ситцем,
И плакала остывшая звезда
О том, что ничего не возвратится,
О том, что всё сгорело навсегда.

Так сказал Шарик

Я, наверное, напился чёрной влаги пепелища
Или просто загляделся в сумрак треснувших зеркал –
Зря, конечно, ведь известно: получает тот, кто ищет,
Вот и я – упрямый вася – получил чего искал.
И теперь скучаю в пробках, тунеядствую в кровати,
Строю глазки продавщицам и гуляю с верным псом,
Ощущая перегрузку – гирю – ту, которой ради,
Я под свой гранитный замок намывал речной песок.
Гирька эта не простая – ей присущи свойства клетки,
Что умеет разрастаться, пожирая всё вокруг –
Облучай её, кремируй, кислотой вгрызайся едкой,
Комбинируй варианты изощрённейших мокрух –
Не поможет...

Водка – тоже, это ж вам не нуклеиды –
Это нечто почернее, чем красители в икре...
Сам открыл бутылку с джинном – потому и не обидно –
Даже Трою не разрушил, словно дикий древний грек.

Всё...

А ты, товарищ, помни:
Будь скромнее и спокойней,
Верь тому, что видишь рядом, а не байкам хитрых звёзд:
Вот улыбка, вот травинка, вот привычный рукомойник...
“От добра добра не ищут,” – так сказал мой Шарик (пёс).

Оглавление

<i>Печаль одиноких трамваев.....</i>	<i>1</i>
<i>Последняя капля.....</i>	<i>2</i>
<i>Не вернусь</i>	<i>3</i>
<i>Города.....</i>	<i>5</i>
<i>Граница.....</i>	<i>6</i>
<i>Таможня.....</i>	<i>7</i>
<i>Имплантация</i>	<i>8</i>
<i>Конец октября</i>	<i>9</i>
<i>Между двумя столицами.....</i>	<i>10</i>
<i>Листопадное похмелье</i>	<i>11</i>
<i>Из окна поезда “Ленинград – Псков”.....</i>	<i>12</i>
<i>Псковщина.....</i>	<i>13</i>
<i>Псков.....</i>	<i>14</i>
<i>Пальцы осени</i>	<i>15</i>
<i>Бомж</i>	<i>16</i>
<i>Чёрная икра медового месяца.....</i>	<i>17</i>
<i>Рубикон.....</i>	<i>18</i>
<i>Кольцо</i>	<i>19</i>
<i>Чудотворец.....</i>	<i>20</i>
<i>Что-то важное.....</i>	<i>21</i>
<i>Август</i>	<i>22</i>
<i>Сентябрь.....</i>	<i>23</i>
<i>Расколотый мир</i>	<i>24</i>
<i>Новогодняя цыганочка без выхода</i>	<i>25</i>
<i>Осенние прощания</i>	<i>26</i>
<i>Зимние письма</i>	<i>27</i>
<i>Ты меня любила поздней осенью</i>	<i>29</i>

<i>Новая кожа.....</i>	<i>30</i>
<i>Рассказ героя.....</i>	<i>31</i>
<i>Вселенское счастье.....</i>	<i>32</i>
<i>Расскажи мне, как прошёл твой день</i>	<i>33</i>
<i>Город злых сквозняков</i>	<i>34</i>
<i>Клёны опять нарядились под арлекинов.....</i>	<i>35</i>
<i>Я тебя уведу.....</i>	<i>36</i>
<i>Город на песке</i>	<i>37</i>
<i>Осень ранняя – вещь несерьёзная</i>	<i>38</i>
<i>Мы вырастаем из своих стихов</i>	<i>39</i>
<i>Ты и я</i>	<i>40</i>
<i>Октябрь</i>	<i>41</i>
<i>На убыль дни, но стало золотистой... ..</i>	<i>42</i>
<i>Ага, океан</i>	<i>43</i>
<i>После победы</i>	<i>44</i>
<i>Подожди</i>	<i>45</i>
<i>Прилив</i>	<i>46</i>
<i>Попойка с ангелом</i>	<i>47</i>
<i>Остывают осени кострища</i>	<i>48</i>
<i>У меня в копилке</i>	<i>49</i>
<i>Зима подкралась незаметно.....</i>	<i>50</i>
<i>Последний снег</i>	<i>51</i>
<i>Гумус.....</i>	<i>52</i>
<i>Когда он вытащит клинок</i>	<i>53</i>
<i>Когда вороны сядут на кресты</i>	<i>54</i>
<i>Женская логика</i>	<i>55</i>
<i>Мне б ещё пережить эту осень</i>	<i>56</i>
<i>Незабудки</i>	<i>57</i>

<i>Одолело мелкотемье</i>	<i>58</i>
<i>Выпускной 79.....</i>	<i>60</i>
<i>Снег</i>	<i>61</i>
<i>Сказка о дембеле</i>	<i>62</i>
<i>Этой зимой</i>	<i>63</i>
<i>Метели</i>	<i>64</i>
<i>Каменная туша</i>	<i>65</i>
<i>В лиловых сумерках весны.....</i>	<i>66</i>
<i>Казнь.....</i>	<i>67</i>
<i>Огни Теночтитлана</i>	<i>68</i>
<i>Весна влетела стервой очумелой</i>	<i>69</i>
<i>Съела весна пересоленный снег.....</i>	<i>70</i>
<i>Я выбираю</i>	<i>71</i>
<i>Пощёчина</i>	<i>72</i>
<i>Жаль прощаться с февралём.....</i>	<i>73</i>
<i>Март ушёл, коты притихли</i>	<i>74</i>
<i>Усталый Бог.....</i>	<i>75</i>
<i>Крыжовник со смородиной.....</i>	<i>76</i>
<i>Спираль.....</i>	<i>77</i>
<i>Нью-Йорк – Нижний</i>	<i>78</i>
<i>Мочи зоилов!.....</i>	<i>79</i>
<i>Когда затихают движения.....</i>	<i>80</i>
<i>Тыква</i>	<i>81</i>
<i>Ночь перед Апокалипсисом.....</i>	<i>82</i>
<i>Прогулки с Шариком</i>	<i>83</i>
<i>Она собралась</i>	<i>84</i>
<i>Абсолютный ноль.....</i>	<i>85</i>
<i>Конец зимы.....</i>	<i>86</i>

<i>Клеймо</i>	87
<i>Морошка</i>	88
<i>Мне давно не снились туманы</i>	89
<i>Я не хотел быть гением</i>	90
<i>Бессонница</i>	91
<i>Парк</i>	92
<i>Поход</i>	93
<i>Он где-то там</i>	94
<i>Вечер</i>	95
<i>Зимняя колыбельная</i>	96
<i>Метка</i>	97
<i>Осень... Горький дымок листвы</i>	98
<i>Город золотой</i>	99
<i>Эндорфиностимуляция</i>	100
<i>Словно тёмный агат</i>	101
<i>Сок спасительных сакур</i>	102
<i>Глаза</i>	103
<i>Под зарева трепещущих знамён</i>	104
<i>В. Лаврову</i>	105
<i>Последний троллейбус</i>	106
<i>Сны и звёзды</i>	107
<i>Всё пройдёт и перемелется</i>	108
<i>Лучина</i>	109
<i>Ходики</i>	110
<i>Вскрытие</i>	111
<i>Предписано трепещущим поэтам</i>	113
<i>Так сказал Шарик</i>	114

